Огонёк

№ 33-34 1944 год

Первым вышел на государственную границу с Восточной Пруссией батальон, которым командует капитан П. Юргин. На снимке: гвардии генерал-майор Б. Б. Городовиков поздравляет капитана Юргина и его бойцов.

Фото С. Короткова

Фронт и тыл

В освобождённый Красной Армией город Вилейка (Белоруссия) вернулись из лесов партизаны. Пришёл в свой родной город и командир партизанского отряда «За Советскую Беларусь» А. И. Волынец и вместе с ним его 13-летний сын Коля. С июля 1941 года отец и сын находились в тылу врага. Отец командовал отрядом, а сын был одним из лучших разведчиков.

Гвардии старшина 1-й статьи И. К. Решетняк — радист Н-ского катера. При выполнении боевого задания личный состав катера был выведен из строя. Только радист Решетняк остался невредим. До подхода наших кораблей он непрерывно вёл огонь по врагу. За героизм и отвагу Решетняк награждён орденом Ленина.

Поддерживая наступление наших войск, лётчики Н-ского гвардейского авиасоединения наносят тяжёлые удары по врагу. На снимке слева: лётчик Н-ской части ночной бомбардировочной авиации дважды Герой Советского Союза гвардии капитан Василий Осипов. Он совершил 400 боевых вылетов на ближние и дальние цели противника.

Братья Иван и Филипп Могильчак не виделись с начала войны. Младший из них — Иван — лётчик, Герой Советского Союза, старший — Филипп — капитан кавалерийской части. Случайно братья встретились на одном из участков фронта, где лётная и кавалерийская части стояли по соседству. На снимке справа: встреча братьев Могильчак.

На строительстве Невинномысского канала в Ставропольщине по-стахановски работают десятки бригад. На снимке: передовики народной стройки (слева направо) — Пелагея Рябцева, бригадир Иван Овсянников, Татьяна Коршикова и Трофим Ярцев, систематически выполняющие по две нормы.

Бурщик Лениногорского Сокольного рудника треста «Алтайполиметалл» (в Казахстане) Г. Л. Нефедов ежедневно даёт не менее пяти норм. Недавно тов. Нефедов выполнил за смену семьдесят норм.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

22-й ГОД ИЗДАНИЯ

Огонёк

№ 33—34 (900—901)

1944 год

В ЛЮБЛИНЕ

Фото спец. корреспондента «Огонька» Б. Цейтлина

Председатель Крайовой Рады Народовой (Польского Национального Совета) г-н Б. Берут.

Председатель Польского Комитета Национального Освобождения г-н Э. Осубка-Моравский.

У входа в здание, где помещается Польский Комитет Национального Освобождения.

Группа польских партизан. Четвёртый справа — командир партизанского отряда Болеслав Кажмеряк.

POLACY! CZERWONA ARMJA NIESIE WAM WYZWOLENIE SPOD JARZMA HITLEROWSKIEGO!

«Поляки! Красная Армия несёт вам освобождение от гитлеровского ярма!» — гласит надпись на плакате, расклеенном на улицах Люблина.

Приток добровольцев в Польское войско не прекращается. На снимке слева: перекличка на пункте явки добровольцев.

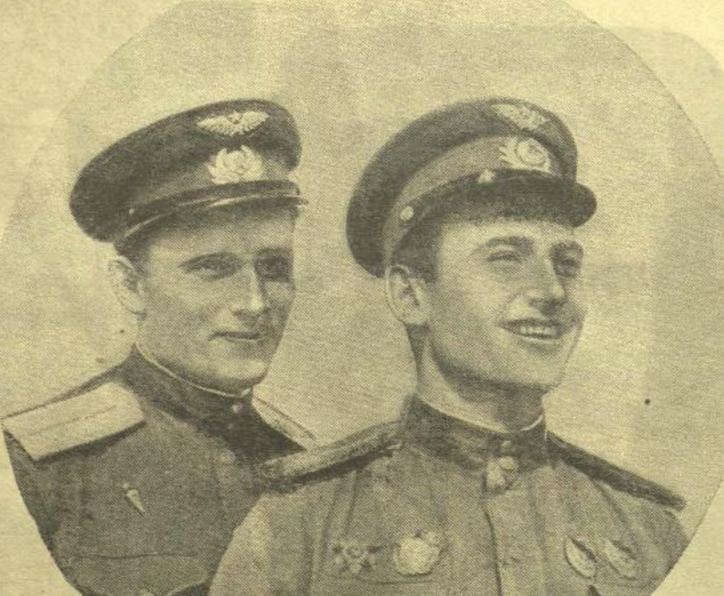
НАД ВОСТОЧНОЙ ПРУССИЕЙ

Фото Я. Халипа

Линия фронта передвинулась далеко на запад, к границам Германии. Авиационное соединение, которым командует Герой Советского Союза Евгений Савицкий, бьёт теперь фашистских хищников над их же землёй. Многие лётчики этого соединения совершили более 50 вылетов на территорию Восточной Пруссии.

Герой Советского Союза капитан И. Маковский — участник боёв на Кубани, под Новороссийском, Керчью, Севастополем. Более 450 боевых вылетов и 40 сбитых им лично немецких самолётов — таков счёт Героя Советского Союза Маковского.

Два брата Егорович—Владимир и Николай—воюют вместе в одной части. Владимиру (справа) — 22 года, но это опытный, умелый лётчик, кавалер четырёх орденов, сбивший 21 фашистский самолёт. Неоднократно вылетал на Тильзит и другие германские города.

Один из лучших лётчиков соединения — командир эскадрильи старший лейтенант Иван Фёдоров. Из 300 совершённых им боевых вылетов 50 приходятся на территорию Восточной Пруссии. В воздушных схватках Иван Фёдоров уничтожил 41 вражеский самолёт.

Командир авиационного полка майор Иван Попов. Полк его отличился в боях под Севастополем, за что удостоен высокой награды— ордена Красного знамени и звания «Севастопольский». Майор Попов имеет 50 вылетов на территорию Восточной Пруссии.

Перед стартом. Лётчики изучают маршрут по карте Восточной Пруссии.

Майор Георгий Балашов — мастер воздушного боя — сбил лично 20 немецких самолётов. На его счету много боёв, проведённых над вражеской землёй. Недавно майору Балашову присвоено звание Героя Советского Союза.

ГУЦУЛ И ЕГО СЫН

Натан Рыбак

Рассказ

Рисунки М. Маризе

Играл кованый месяц в шумных водах Черемоша. Уходили к горизонту волнистые кряжи Карпатских высот. У их подножья, над самым Черемошем, стояли хаты горного селения Семихатки, названного так по числу хат. Жили в тех хатах люди, слава о которых шла по всей долине и уходила дальше, за её пределы. Славились гуцулы своим изумительным ремеслом. Ремесло их было как будто нехитрое, совсем простое. Делали гуцулы тарелки, кубки, различные коробки. Всё это они вырезали из дерева, украшая его изумительной красоты инкрустациями. Изделия их рук были выставлены в музеях, украшали стены в квартирах многих городов, стояли на столах и этажерках. Из кубков, сотворённых их руками, пили люди вино, благословляя мир и его красоту. Два раза в год спускался с гор в долину старший по роду в селении Семихатки Максим Федорчук.

Он отвозил в город изделия своих односельчан и возвращался с покупками. Летом сорокового года в Семихатки пришли люди; гуцулы ждали их.

Максим Федорчук, старший в селении, встретил этих людей как гостей. Он угощал их в своей хате вином и подарил им прекрасные тарелки, выложенные перламутром и медной витой проволокой.

— То наши люди, — сказал тогда Максим Федорчук собравшимся у него в хате односельчанам,— то наши братья, мы долго ждали их, и вот они пришли.

И он поклонился низко, до земли, красноармейцам, обнял их за плечи, как родных сынов. Три красноармейца — три разведчика — в тот день принесли новый свет в горное селение Семихатки и повернули его жизнь на новый лад. Много нового произошло потом в Семихатках. Стали приезжать в него гости из далёких и неслыханных ещё тут городов. Стали писать о нём в газетах. А Максима Федорчука позвали в гости в Киев, и там столичные художники принимали его с почётом, долго расспрашивая о великом уменье украшать простое дерево и дивясь его славному мастерству. Выдали Максиму Федорчуку премию и всем другим мастерам села Семихатки тоже дали награды. Приехали с Максимом Федорчуком из Киева люди, привезли с собой какие-то аппараты, и скоро в каждой хате заговорило радио, и с того дня знали семихатские гуцулы, что происходило в мире, слушали бой часов с Кремлёвской башни, шум и гудки машин на Красной площади.

Максим Федорчук был стар и мудр. Люди в селении его уважали, слушали и немного побаивались, ибо не терпел он неправды и требовал от всех честности и акуратности. Мастерство его было неподражаемо. Никто так, как он, не мог выложить на дереве рисунок, никто так, как он, не мог создать затейливый узор, играющий всеми цветами радуги, полный какого-то сокровенного смысла. У него в хате на стенах и на полках было много тарелок, кубков, коробок, покрытых изумительными рисунками, и никто, кроме него,—ни старуха-жена, ни любимый сын Олекса — не имел права дотрагиваться до них. С каждой вещью было связано воспоминание, словно в каждой линии таилась его дума или мечта. И когда он вернулся из Киева, то снял с чердака кусок букового дерева и каждое утро с восходом солнца сидел над ним, стиснув в руке резец. Седые брови смыкались на переносице. Красные ленточки от ворота вышитой сорочки плавно трепетали на его широких плечах. Среди тарелок и рисунков, изображающих карпатские леса, приладил Максим Федорчук портрет человека, чьё имя он произносил с уважением, как имя старшего, мудрейшего, равного которому он не знал на земле. Он смотрел на портрет и закрывал потом глаза. Он мечтал. Долго так сидел старик-гуцул, застыв в раздумье.

Шли дни. Новые они были, те дни. Какие-то праздничные, необычные. Многие молодые гуцулы, словно сговорившись, сказали отцам: «Идём в город. Хотим пожить в больших домах, видеть улицы, на которых много народу, читать много, учиться». Старики сердились, крепко сердились. Нас, мол, отцы за такие речи ремнями отстегали бы. Но Максим Федорчук сказал:

— Пусть идут. Молодость, что вода весенняя: всякую плотину прорвёт. Пусть учатся, я и своего Олексу отпускаю, не век же им теперь в горах сидеть.

Послушались гуцулы Максима. Скоро настал день, когда молодые парни должны были спуститься с гор в долину. Было это событие немаловажное, взволновавшее всех, а особенно матерей. Пекли им в дорогу пироги с начинкой из горной душистой смородины, клали в корзины вышитые рушники, на которых играли пышными хвостами петухи. Максим своему Олексе сказал:

— Идёшь, сыну, в свет. Ты, старуха, не плачь. Не к чужим отпускаем, теперь не то время. Теперь наш край. Иди, сыну, учись. Хочешь ремесло новое обрести, обретай. Не в обиде буду. В обиде стану, если честь свою променяешь. Иди, сын, на этого человека надейся, — и старик Максим Федорчук показал на портрет Сталина на стене. — Тяжело будет, к нему мыслями обратись, весело на душе — тоже к нему. Он совесть наша и правда наша. Посмотри на край наш — и всё поймешь. Всё он нам дал, всё он.

Был весенний майский день, когда спустились с гор в долину пятнадцать семихатских парней. Старики стояли на горе и долго смотрели им вслед, пока они не исчезли за густой стеной леса.

Рокотал неспокойный Черемош, и ветер шептался о чём-то в молодой листве.

Максим Федорчук знал: не все парни останутся в долине. Вернутся те, которым ничто не может заменить горы и Черемош. И не

Один из офицеров бросился к старику: «Вот мы и встретились, батько!»

было у стариков печали после ухода молодых. С таким чувством отцы отпускают сынов в благословенный край.

Максим жил попрежнему строго и рассудительно. Старухе, вспоминавшей сына, говорил: «Не горюй: вернётся, может, наш Олекса инженером, мосты через Черемош строить станет».

Но настал день — тревога взошла над Семихатками. Услышал первый о ней Максим Федорчук и первый увидел её, эту лихую беду.

— Слухайте, — сказал он прибежавшим к нему гуцулам, — война с немцами. Она в нашу дверь стучится.

— К нам далеко, что ей у нас делать, той войне, — отозвался старик Нечаюк.

— Ой, не будет по-твоему! — ответил ему Максим Федорчук.

Было в селении так, словно в каждой хате покойник лежит. Звёздно было июньское небо. Не спали в Семихатках. Стояли у тынов гуцулы. Слышали гул — тяжёлый, страшный, не слыханный ещё в этих горах: это низко над Карпатами шли немецкие самолёты. В лесу, у селения, тоскливо кричала сова. «Быть беде, — подумал Максим Федорчук, — ой, великой беде быть!»

И беда пришла. Не спросила разрешения, не постучалась в окно, а просто ввалилась в хату, как смерть с косой. Стоял посреди горницы немец, стоял, расставив ноги широко, словно на улице, а не на свежевымазанном, покрытом пахучей травой полу. Смотрел через стекло, вставленное в глаз, на стены, украшенные изделиями гуцула Максима Федорчука. Показал пальцем на портрет Сталина. Услужливый чёрненький, что говорил по-украински с немецким картавым выговором, сорвал портрет. Немец ещё что-то прогавкал. Переводчик объяснил:

— Все украшения забирает господин офицер, они ему понравились.

Молчал Максим Федорчук. Стиснул только крепко зубы и молчал. Ушёл из хаты. Встретил Нечаюка, ничего ему не сказал, только посмотрел в глаза. А тот не выдержал, словами ответил:

— Правда твоя была, Максим.

Забрали немцы все изделия у гуцулов.

Шла одна беда за другой. Так оно всегда бывает. Бежал в горы офицер советский. Гнались за ним, словно гончаки, немцы. Хата Федорчука на самом краю горы. Постучал офицер в дверь. Открыл ему Максим и сразу всё понял. Перевязала старуха ему раны, накормила его, спрятала на чердаке. Да кровавый след от реки до хаты выдал. Забрали Максима Федорчука немцы в долину вместе с советским офицером.

— Сын он мой, — отвечал им на все вопросы гуцул.

— Врёшь! — кричал на него немец. — Не сын. Признайся, кто он.

Тогда привели обратно в Семихатки Максима Федорчука и офицера. Собрали всех гуцулов. Поставили перед ними рядом Федорчука и офицера советского. Старуха Федорчука стояла тут же. Спрашивали каждого:

— Верно ли, что сын?

— Верно! — отвечал каждый.

— Правду говорите, — пролаял переводчик, который крутился перед гуцулами, — за правду пан офицер пожалует много марок, аж тысячу сразу, чуете? Тысячу марок сразу!

Но никто не отозвался. Тихо было в ту минуту. А немцы злились и готовы были разорвать гуцулов на куски. Немцы догадывались, что не сын, но мало было им этого, проучить хотели они старого Максима Федорчука. И беда, как верил тому Максим Федорчук, всегда другую беду накликает.

Гнал с гор стадо Мартын Неворота. Остановил его немец. Сказал ему, коль не сын этот, что стоит рядом с Федорчуком, жить будет старик гуцул, если сын, — повесят.

— Да, конечно, это не сын! — крикнул Мартын Неворота. — Чего к человеку приставать!

Засмеялся немец. Зловеще засмеялся. Понял Мартын свой промах, сразу понял, да поздно было.

Страшна была казнь Максима Федорчука и старухи Федорчук. Офицера советского увели. Старуху повесили на глазах у Максима. Петлю на шею набросили, а она в горы смотрела. Только слёзы из глаз бежали. Но не кричала — этого не дождались немцы.

— Выколоть ему глаза, — сказал немец, показывая пальцем на гуцула Федорчука, — пусть в темноте поживёт, пусть помучится, попомнит, как войску фюрера неправду говорить.

И выкололи немцы Максиму Федорчуку, славному мастеру, которого знали в предгорьях Карпатских, и над Черемошем, и ещё дальше многие люди; выкололи ему глаза. Сгинул свет солнца навеки для старика Максима. Плакали в Семихатках. Рыдания те подхватил ветер, понесли их волны Черемоша. Страшны были те слёзы, горькие были они.

— До хаты тебя проведём, — сказал Нечаюк Максиму и взял его за дрожащую руку.

— Не надо, — освободил свою руку Максим, — мне теперь самому привыкать надо, — и пошёл через площадь, высоко подняв голову, протянув вперёд руки...

Гудели тревожно леса. Тоску свою поведали они ветрам. Несли ветры её дальше, через реки и долины, над сёлами и городами, несли к далёкому городу Москве, в дом за зубчатой высокой стеной, прямо к сердцу человека, который знал про это горе гуцулов. Так думал в долгие ночи Максим Федорчук потому, что и день и ночь одинаковы были для него. Он взбирался к себе на чердак, доставал буковую доску, резец и коробку с перламутром и, склонившись над доской, что-то делал.

Далеко в будущее смотрел Федорчук. Слеп был, а видел. Далеко видел. Другу своему Нечаюку, который приходил к нему, хлеб приносил и пищу скудную, не оставлял в беде, ему одному говорил:

— Чует сердце моё, идёт к нам сила, идёт свобода. Ты счастлив, ты увидишь её, а я только сердцем одним узнаю да рукою ещё коснусь. Добре сделали тогда, что сынов своих в долину пустили.

Было в горах тихо. А Федорчуку не сиделось. Никому не сказал ни слова. Хлеба только попросил у Нечаюка да соли, спрятал обёрнутую в полотно буковую дощечку в суму. Ночью, нащупывая палицей дорогу, ушёл старик по знакомой тропинке в долину. Шёл долго, кто знает, сколько времени шёл. Немецкий патрульный остановил его, посмотрел на бельма глаз, махнул рукой, и Максим пошёл дальше, чему-то улыбаясь.

Тропинка, по которой он шёл, вела вдоль Черемоша, и рокот его быстрых волн вызывал в сердце старика чувство радости. На третий день пути он вдруг услышал, как дрогнули горы от протяжного удара и за этим ударом последовали другие, словно разверзлись небеса и небывалая гроза потрясла их. Федорчук ничего не видел, но он знал, что рядом начинается шлях, широкий проезжий шлях в долину, и он решил ждать тут. Он знал, что дождётся, теперь уже никто не мог помешать ему. Он знал, что они придут. И на следующий день утром, на восходе солнца, который старик ощутил по крику птиц, он услышал грохот железных машин и звуки родной речи. Максим дрожащими руками развязал суму и вынул дощечку, завёрнутую в полотно. Бережно сняв с неё полотно, он ощупал её пальцами и прижал к груди, устремив свой невидящий взор на дорогу.

Танки проходили мимо, не останавливаясь, но штабная машина задержалась. Два офицера с пятиконечными звёздами на шапках подошли к старику. Седой высокий гуцул держал, прижимая к груди, портрет Сталина. Солнце играло радостными бликами на квадратиках перламутра. Солнце приветствовало бойцов у подножья гор. Сталин по-отечески тепло улыбался им.

— Поклон вам, товарищи, — сказал Максим Федорчук и наклонил голову.

И один из офицеров, услышав его голос, вздрогнул и бросился к старику. На загорелом, обветренном лице командира вспыхнули мука и радость, и он, обнимая плечи старика, тихо сказал:

— Вот мы и встретились, батько!

Сияло солнце над землёй. Шла весна на Карпаты. Стояли рядом гуцулы Федорчуки: отец и сын Олекса. Бежали слёзы из глаз Максима Федорчука. Танки шли по дороге стройной железной лавиной. Он не видел их, но он слышал их победный, торжественный грохот. Шла победа к Карпатам.

Перевод с украинского

ГОРОД ЖЕШУВ — важный узел железных и шоссейных дорог — очищен от врага. На снимке: советские танки проходят по улицам Жешува.

Фото А. Шайхета

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

И. Ермашев

15 сентября

1. НАКАНУНЕ

«События развёртываются с неумолимой последовательностью»,— к такому весьма печальному для гитлеровцев выводу пришёл один из немецких обозревателей, обсуждая последствия развала немецко-фашистского блока и крушения позиций германского империализма на различных секторах европейского театра военных действий в Европе. Да, с неумолимой последовательностью приближается общий разгром германского империализма. Это особенно ощутимо теперь, в момент, когда начинаются завершающие бои на Востоке, на Западе и на Юге.

Вторая декада сентября принесла исключительно важные новые военные и военно-политические события, которые снова подтверждают, что основной план Гитлера — затянуть войну — рухнул под ударами Красной Армии и армий союзников. Величайшее значение в этой связи имеют победы Красной Армии на югозападе. Именно здесь за последние недели гитлеровская Германия потерпела наиболее катастрофическое поражение, и теперь всё более ясно и отчётливо сказываются его последствия.

Советские войска нанесли непоправимое поражение южноукраинской группе немецких армий. 2 и 3 сентября был завершён разгром окружённых частей этой группы, действовавшей под командованием генерал-полковника Фриснера. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием маршалов Советского Союза Малиновского и Толбухина ликвидировали окружённые части 8-й и 6-й немецких армий. Полностью разгромлены 15 немецких дивизий, причём противник потерял убитыми и пленными 256 600 солдат и офицеров, 17 генералов. Потери противника по главным видам боевой техники составили 338 самолётов, 830 танков и самоходных орудий, 3500 орудий, 33 тысячи автомашин.

«Тем самым была полностью завершена Ясско-Кишинёвская операция по окружению немецких войск — одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций в нынешней войне» (Совинформбюро).

Этот уничтожающий удар по немецким войскам потряс весь южный фланг гитлеровцев. Советские войска продолжают стремительное наступление, очищая территорию Румынии от немецких и венгерских войск. К 15 сентября советские и румынские войска, сражающиеся с противником, вышли на линию Кымпулунг — Георгиены — Одорхей — Сигишоара — Турда — Турну — Северин. Значительная часть Северной Трансильвании уже очищена от немецких и венгерских войск, причём советские и румынские войска преодолели горные хребты Трансильванских Альп, а на северозападе пробиваются через Карпаты. Всё ближе и ближе советские и румынские войска к венгерской равнине. На центральном участке фронта в Румынии советские и румынские войска уже выходят из гор, которые в районе Клужа резко снижаются к северу, переходят в холмистую местность, граничащую с равниной. На западе советские войска продолжают распространяться вдоль румынско-югославской границы. Теперь от границ Венгрии советские и румынские войска находятся на расстоянии нескольких десятков километров. Неумолимо приближается разгром последнего вассала Гитлера — фашистской Венгрии.

12 сентября в Москве было подписано соглашение о перемирии между правительствами Советского Союза, Великобритании и США, с одной стороны, и правительством Румынии — с другой. Румыния окончательно потеряна для Гитлера.

Но Гитлер одновременно окончательно потерял и Болгарию — свой последний плацдарм в восточной части Балканского полуострова. Непосредственным следствием этого было уничтожение германских военно-морских сил на Чёрном море. Помимо того в катастрофическом положении оказалась 12-я немецкая армия, расположенная в Греции. Новое болгарское правительство Георгиева отдало приказ болгарским войскам, находящимся в Югославии и Греции, сотрудничать с югославскими и македонскими народно-освободительными войсками в борьбе против немецких захватчиков. Положение немцев на Балканах сразу и притом резко ухудшилось.

С выходом советских войск на румынско-югославскую границу наступил новый этап в борьбе народов Югославии и Греции. Пробил час их освобождения от немецко-фашистских угнетателей и ставленников. В Сербии и Хорватии начались повсеместные восстания. Всюду формируются новые соединения Народно-освободительной армии маршала Тито. Попытки немецких войск прорваться на север из Греции через территорию Югославии и Албании натолкнулись на ожесточённый отпор югославских войск. В самые последние дни 14-й корпус Народно-освободительной армии Югославии с боями вышел к югославско-болгарской и югославско-румынской границам. Одновременно другие корпуса этой армии развернули широкое наступление в Словении, Боснии, Герцеговине, Черногории, заняли десятки городов и перерезали важнейшие коммуникации: железнодорожные магистрали Белград — Ниш — Салоники, Брод — Сараево — албанская граница, а также важнейшие шоссейные магистрали. Маршал Тито приказал войскам Народно-освободительной армии безжалостно уничтожать немецко-фашистские войска, которые пытаются прорваться в Венгрию. Германские 12-я армия и 2-я танковая армия, насчитывающие вместе до 20 дивизий, обречены.

Разгром немецко-фашистских войск на югозападе ознаменовался ещё одним важным последствием — восстанием в Словакии. Восставшие солдаты и офицеры словацкой армии вместе с партизанами под руководством командования внутренних чехословацких вооружённых сил ведут успешную борьбу против немецких и венгерских войск. Вслед за Балканами запылала земля Чехословакии. Весь югозапад Европы в огне антигитлеровской народной борьбы.

2. ВИСЛА И РЕЙН

В эти дни советские войска нанесли новые сокрушающие удары по главным силам противника, сосредоточенным на территории Польши. 13 сентября советские войска разбили немецкие дивизии на Нареве, отбросили за реку и заняли город Ломжа. В этот же день наши войска разбили немецкие и венгерские части, освободили город Кросно и вышли к польско-чехословацкой границе. 14 сентября войска 1-го Белорусского фронта совместно с частями 1-й Польской армии одержали крупную победу, овладев после многодневных боёв крепостью Прага — предместьем Варшавы на правом берегу Вислы. Началось сражение за Варшаву — за освобождение многострадальной столицы Польши.

Сражение за Варшаву означает важнейший этап в сражении на Висле. Эта великая польская река была избрана немецким командованием в качестве важнейшего рубежа, прикрывающего подступы к Германии. Потеря этого рубежа чревата для немецких войск общим поражением в Левобережной Польше, за которой непосредственно лежат важные промышленные области Германии — Померания и Силезия. В одном из приказов Гитлера не случайно говорилось, что Варшава — это двери в Германию. Теперь советские и польские войска взламывают эти двери. И они их взломают! Борьба на Висле — это борьба против главных сил Гитлера, и, естественно, что здесь теперь решается судьба самого трудного — завершающего — этапа всей войны.

Гитлеровская Германия вынуждена теперь вести войну в исключительно сложной обстановке, ибо удар по основной группировке немецких войск, сосредоточенной у Варшавы, последовал после поражения немцев в Юго-восточной и Югозападной Европе и в момент, когда союзные войска на Западе, стремительно преследуя немецкие войска, вступили на германскую территорию. Впереди лежит Рейн, важнейший рубеж обороны немцев на Западе. Перед Гитлером сейчас стал роковой вопрос: как защищать рейнский рубеж, какими силами? Германские армии, сражавшиеся во Франции и Бельгии, потерпели жестокое поражение. Сил для обороны западной границы Германии явно не хватает. 7-я и 15-я немецкие армии основательно разбиты в Северозападной Франции и Бельгии и отброшены на германскую территорию и в Голландию, куда уже вступили войска союзников, освободившие также и Люксембург. 1-я и 19-я германские армии, отступавшие из Южной и Югозападной Франции, разбиты и их остаткам численностью в 40 тысяч солдат и офицеров отрезаны пути отхода, после того как в Северовосточной Франции соединились войска 3-й и 7-й армий союзников.

В Эльзасе и Лотарингии теперь развёртываются бои за окончательное изгнание немцев с последнего клочка французской территории и за выход союзных войск к Верхнему Рейну. Гитлеровцы едва ли имеют основание полагать, что союзники остановятся, не дойдя до Рейна, или что их может задержать пресловутая «линия Зигфрида», которую немцы теперь рекламируют на все лады. Западный укреплённый район представляет собой серьёзное препятствие, но он не является непреодолимым. Более того: ни одна оборонительная линия не может оказаться сильнее, чем защищающие её войска. **Многочисленным союзным армиям, вышедшим на аванпосты этого последнего барьера, немцы в состоянии противопоставить лишь последние жалкие остатки своей живой силы.** Таково реальное соотношение сил в момент, когда военные действия подошли к западной границе Германии. Может быть, немцы надеются на так называемые новые виды «секретного оружия»? Германский генерал, недавно захваченный во Франции в плен, сделал следующее многозначительное заявление: «Мы, генералы,— сказал он, — знаем теперь, что представляет собою новейший вид «секретного оружия» — Фау-2. Это дождливый день»! Что же? Гитлеровцам, как видно, остаётся одно: надеяться на плохую погоду. Но никакая плохая погода не может задержать наступления союзников, обрушивающих на противника ливень стали и свинца.

Началась великая битва на Висле. Приближается решающая битва на Рейне. Обе эти битвы, которые дополняются сражениями на юге и югозападе Европы, должны предрешить сроки разгрома гитлеровской Германии.

3. ДОБИТЬ ВРАГА!

Весь ход событий выдвинул в качестве важнейшей задачи всех антигитлеровских стран нанесение одновременного сокрушительного удара по гитлеровской клике. Добить врага! — таков боевой лозунг антигитлеровских армий.

Вооружённые силы гитлеровской Германии делают всё возможное, чтобы оттянуть своё окончательное крушение. Из 17 армий и 4 танковых армий, которые были развёрнуты гитлеровским командованием, не меньше половины разгромлены Красной Армией и армиями наших союзников. Гитлер сейчас воюет своими последними армиями. У них нет надежды получить пополнение, ибо резервы Германии истощены. И всё же противник на всех фронтах, и в особенности на советско-германском, оказывает ожесточённейшее сопротивление. Гитлеровская клика понимает, что речь идёт о том, как скоро она будет посажена на скамью подсудимых перед лицом беспощадного трибунала народов. Немцы сражаются с отчаянностью обречённых, и как раз именно теперь, для того чтобы добить врага, требуется полное напряжение всех наших сил и сил всех свободолюбивых народов.

ВИЛЬНЮС ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Текст В. Рудного

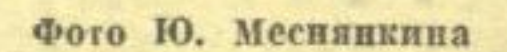
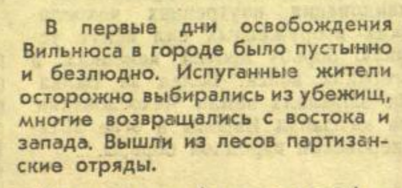

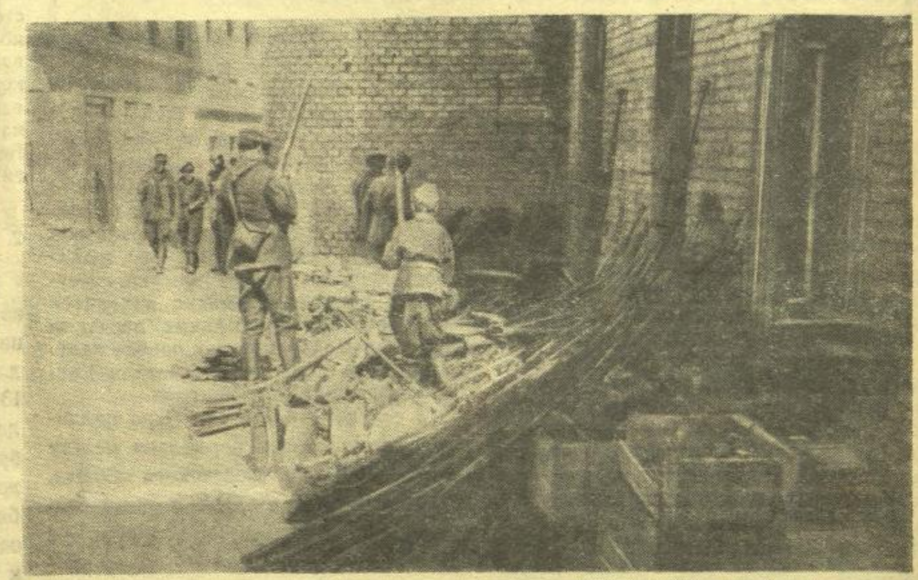
Фото Ю. Меснянкина

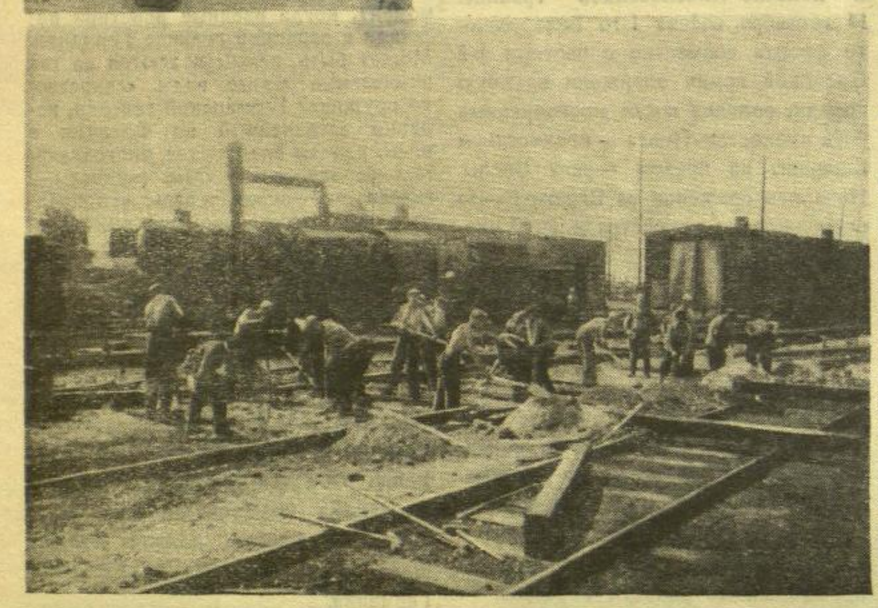

В первые дни освобождения Вильнюса в городе было пустынно и безлюдно. Испуганные жители осторожно выбирались из убежищ, многие возвращались с востока и запада. Вышли из лесов партизанские отряды.

Эта девушка (снимок слева) — виленская комсомолка Александра Градская. Она была секретарём подпольной комсомольской организации, вела разведку для партизан, снабжала их оружием.

Кончилась партизанская жизнь. Партизаны сдают гранаты, пулемёты, автоматы, противотанковые ружья, винтовки всех систем—всё, что добыто ими в боях с немцами (снимок справа).

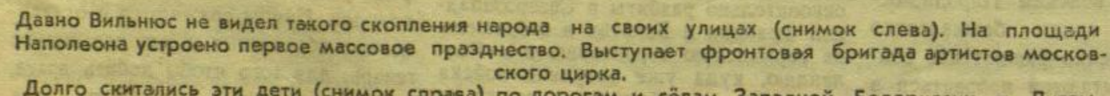

Ремонтные бригады восстанавливают железнодорожные пути.

У газетных витрин весь день толпятся горожане. Выходят газеты на литовском, польском и русском языках.

Давно Вильнюс не видел такого скопления народа на своих улицах (снимок слева). На площади Наполеона устроено первое массовое празднество. Выступает фронтовая бригада артистов московского цирка.

Долго скитались эти дети (снимок справа) по дорогам и сёлам Западной Белоруссии и Литвы. Вильнюс дал приют им и многим другим детям, потерявшим родителей и лишённым крова. Соня Яновская — тринадцати лет—старшая в семье. Она воспитывает своих братьев-близнецов Стёпу и Лёню и маленькую сестрёнку Ванду.

Саша

Л. Сейфуллина

Рассказ

Рисунки И. Гринштейна

В этом городе на большой судоходной реке Саша Степанова родилась и выросла. Юные деревья в скверах на новых площадях, посаженные после Октябрьской революции, были её ровесниками. Саша росла в дружной, весёлой, трудолюбивой семье. Дети учились. Мать служила кассиршей в большом предприятии. Отец, техник-строитель, возводил мосты. Случалось ему работать и в очень трудных условиях, но никогда ни на что он не жаловался. Его волевое спокойствие установило в семье постоянный бодрый тон в годы горестей, болезней или утрат. (Дети знали, что Дмитрий Алексеевич, всегда нежный с ними, может даже ударить их за упрямый плач, за дешовые слёзы, за бесполезное нытьё.) После отца и матери самыми близкими на свете людьми были для Саши дедушка с бабушкой, родители Дмитрия Алексеевича. Девочка очень любила гостить у них в железнодорожном посёлке, близ станции в степи. Дед её до старости работал слесарем на железной дороге.

Молодые годы ему пришлось провести в скитаньях по России, когда он скрывался от преследований царских жандармов. Об этих горьких, скитальческих годах хорошо рассказывала бабушка. Широко раскрыв серые глаза с чудесными длинными ресницами, Саша слушала горькую быль. Сердце её замирало от восхищения, когда, как в страшной волшебной сказке, всё же приходил счастливый конец. Несмотря на множество пережитых бедствий старик сохранил большое чувство юмора, любил ввернуть сочное словцо.

Теперь, вспомнив дедушку, Саша нежно улыбнулась. Где-то он теперь, с его неизносным здоровьем, с неиссякаемой шутливостью, простой, но чудесный! Превращён ли в прах немецким снарядом или даже в лапах зверя-врага не признаёт он «безвыходных положений»? Бабушкины воспоминания оборвались семь лет назад, когда Сашеньке шёл двенадцатый год. Последняя их беседа сейчас дословно оживает в памяти девушки.

— Бабушка!— воскликнула тогда Саша.— Я тоже буду до старости бороться за революцию и за советскую власть. Ничего, ничегошеньки не побоюсь!

Лицо бабушки осветилось счастливой улыбкой:

— Тебе не придётся такого зла увидать! Твоя жизнь будет без сучка, без задоринки. Советская власть для тебя стариками завоёвана.

— А сейчас разве зла не бывает?

— Ну, как не быть! Нечисть и в святом красном углу заводится.

Старуха никогда не рассказывала о себе самой. А ведь и она рядом с дедом прожила «нестрашимую» жизнь. Такова и сашина мать — Анна Ивановна. Недаром старуха о ней говорила: «Ко двору нам пришлась». Очень женственная, хрупкая, моложавая для своих лет, она, казалось, жила отражённым светом желаний мужа, без своих личных устремлений. Но когда Анна Ивановна с тихой, ободряющей улыбкой целовала его, провожая в армию, Дмитрий Алексеевич сам прослезился в первый раз в жизни на глазах у детей. И сказал жене дрогнувшим голосом:

— Спасибо тебе, моя крепкая! Без тебя многого не вынес бы я в моей судьбе.

Война разметала дружную степановскую семью во все стороны. Отец на фронте. Мать эвакуирована с предприятием, где работала, в далёкую Сибирь. Младших детей Анна Ивановна увезла с собой. Ей нестерпимо тяжело было старшую дочь оставлять в городе, которому грозило неприятельское нашествие. Саша настойчиво твердила матери:

— Тебе с детьми уехать необходимо. Они малы ещё, а я, в крайнем случае, уйду с армией. Какое счастье, что есть у меня моя специальность! Вот видишь, не напрасно соревновалась я во всём с мальчишками. А ты меня тогда бранила.

Саша, в детстве, в посёлке у дедушки с бабушкой, приобрела много друзей — мальчишек. Её привлекали в мальчишках ловкость в прыжках, в беге, смелость мальчишеской езды на лошадях.

Учась в десятом классе, увлеклась она шахматной игрой и радиоделом. Кто-то из её сверстников дразнил Сашу, что ни одна девочка не умеет ни устроить радио в своей квартире, ни обращаться как следует с радиоприёмником. Саша на спор старательно занялась электрорадиотехникой, обучалась около года и сдала экзамен. В первый год войны у неё были права радиста, а теперь, в 1942 году, она работала уже радиотехником. Об этой своей специальности она и говорила матери. Шуткой хотела она смягчить жестокость разлуки. Но мать не улыбнулась в ответ. Она покачала головой, сказала медленно и скорбно:

— Какой ты воин? Только что высоконькая, а личико у тебя совсем ещё детское...

— А зачем толщина? Лишний груз. Разве ты не знаешь, какая я сильная и ловкая, хоть и кажусь хрупкой?

Расстались они тяжело. На этот раз Анна Ивановна не выдержала. Обняв дочь на прощанье, она зарыдала надрывно и горько. Свои слёзы Саша удержала большим напряжением воли. От того юный голос её казался немолодым и жёстким, а прощальные слова прозвучали укоризной:

— Мама, я не узнаю тебя! Не плачь, пожалуйста, дорогая!

Как часто теперь встают перед ней большие, сразу потускневшие от горя, родные, мамины глаза.

Если бы можно было сейчас крикнуть ей:

— Мамочка, не со зла, от большой сердечной муки не сумела я тогда бережно осушить твои слёзы! Дорогая, никем незаменимая в жизни мама!..

Никем. Есть у Саши другая крепкая любовь. Первая горячая любовь к мужчине. Та, для которой забывают родителей, братьев и сестёр. Забывают, да. Только в мирном течении жизни. А в годы таких испытаний, когда смерть дышит в лоб, слово «мама» неустанно звучит в человеческом сердце с изначальной силой. В нём источник жизненного тепла, столь необходимого в холодном окружении смерти. Володя попрежнему дорог девушке. Но вся история их любви сейчас так далека! Будто было всё давно-давно или приснилось в чудесном, но смутном сновидении.

...На реке небольшой островок. В один воскресный день в конце мая они с Володей катались на лодке и пристали к этому островку. День был тусклый, но им обоим казался чудесно светлым. Они в первый раз объяснились по-настоящему, сказали друг другу о своей любви. Объяснение произошло неожиданно для обоих. До этих пор между ними были странные отношения, больше похожие на самолюбивую вражду, чем на любовь. Саша разговаривала неестественным, гордым тоном. Володя отвечал ей насмешливо, даже чуть презрительно. В то же время оба постоянно хотели встречаться друг с другом. Глаза одного всегда искали взгляда другого, рукопожатья были обоим приятны, а слова — неприязненны. В начале сорок первого года родители Володи перебрались на жительство в Сибирь. В мае он уезжал к ним. Саша, страшно счастливая, но смущённая

первой страстью поцелуев, вырвалась из володиных объятий, крикнула ему:

— Догони меня!

Пёстренькое летнее платье девушки замелькало меж кустами. Володя рванулся за ней, но зацепился ногой за корягу и растянулся на земле во весь рост. Девушка со смехом подбежала к нему, протянула руки, чтобы помочь ему подняться. Но ему было стыдно своей неловкости. Он сделал вид, что не заметил её протянутых рук. Весь красный, нахмуренный, быстро поднялся сам. При этом движении из кармана его брюк посыпались на траву деньги, мелочь: двугривенные, гривенники и одна новенькая блестящая медная копейка.

— Батюшки, копейка! — воскликнула Саша. — Это, наверное, последняя в городе. Я давно их не видела. Подари мне!

Володичу хмурость как рукой сняло. Он засмеялся в ответ:

— Вот не знал, чем прельстить. Давно бы тебе копейку показать. А ну, отними, сумей!

Юноша побежал, Саша догнала его. Они долго вырывали друг у друга копейку. Саша вырвала копейку, но немедленно на беленькой узкой своей ладони протянула её Володе обратно. Володя глубоко заглянул в сияющие серые глаза девушки, сжал её ладошку вместе с копейкой и припал к её руке долгим поцелуем. В первый раз в жизни мужчина целовал ей руку. Как это было хорошо! Потом с особенной, проникновенной нежностью он привлёк Сашу к себе и сказал:

— Саша, милая, знаешь, что мне пришло в голову? Давай закопаем эту копейку здесь, на острове. А приедем за ней через десять лет. Вместе приедем, понимаешь? Если один из нас изменит... Конечно, не я! Смотри, не измени мне, Саша!.. Так вот, если ты изменишь, разлюбишь, когда я уеду, напиши просто: «На острове ничего не ищи». Я не вернусь к тебе. Но нет, мы приедем за нашей копейкой вместе. Оба любящие, оба верные, муж и жена. Правда?

— Муж и жена,— покорно подтвердила Саша.

Они закопали копейку под старой вербой, близ берега...

Об измене говорили, а о возможности смерти тогда и не подумали. Что Володя её не забыл, в это она верит, это она чувствует. А вот жив ли, кто скажет теперь? В армию ушёл он в Сибири. Сообщение об этом было последним известием о нём. Он писал: «Помни, дорогая, что люблю я тебя неизменно. Ни малейшего интереса к другим девушкам нет. В компании с ними я такой скучный, что самому досадно, а ничего с собой поделать не могу. Видно, придётся нам вместе откапывать заколдованную нашу копейку. Сегодня видел тебя во сне, твои длинные ресницы, родинку твою на правой щеке, и целовал я её, целовал...»

Володя, жив ли, где ты? Не надо вспоминать, не надо! О милом сердцу женихе вздыхать не время. Безыменный островок, где они с Володей обручились, теперь имеет военное название — «Ольга». Там сидят наши артиллерийские наблюдатели. Находится он под непрерывным обстрелом противника. Там часто нарушается радиосвязь. И когда Саша отправляется в блиндажи наблюдателей, не любовными воспоминаниями, не грустью нежной полна её душа, а страстной ненавистью. Прошлое прошло, а будущему — быть. А чтобы оно пришло и было светлым и счастливым и для её семьи, и для Володи, и для родного города, и для дорогой Страны советов, Саше, как и всякому бойцу, надо помнить только о данном дне, о текущей минуте, и действовать, действовать. Довольно! Выключены все воспоминания. Кругом вражья стихия нечеловеческой злобы. Она в чудовищном фейерверке боевых огней, в смраде неприятельских трупов, в каждом уголке этого обугленного города, где нет ни девушек, ни женщин—все они бойцы. Здесь не слышен детский лепет, нет семейных очагов и домашних животных. Дым и гарь, и смерть, смерть. Острого страха у девушки уже нет. Надо зорко смотреть вокруг, хладнокровно рассчитывать — ползти дальше или залечь за ближней грудой кирпича от разрушенного здания.

Земля под Сашей вдруг стала зыбкой от большого взрыва невдалеке. У девушки закружилась голова и хлынула носом кровь. Саша прижала к ноздрям рукав шинели, присела на корточки у дома с забитыми окнами, с оторванными дверями парадного хода.

Но вот сквозь дым и пламя большого пожара донеслось протяжное русское «ура». «Нет, врёшь, немец, не раздавишь, не такой мы народ, чтобы смог ты нас раздавить»,— прошептала Саша. Девушка перекинула свою сумку снова за спину и провела рукой по лицу. Когда-то нежная ладонь уже давно огрубела. Девушка отдышалась и поползла дальше. Об острые камни расцарапала в кровь ногу. На такую боль Саша не обращала внимания. Давно длится осада стойкого русского города. Уже два с половиной месяца немцы в самом городе. Заняли и заводскую окраину, захватили выгодные позиции в центре, а город взять не могут. Много раз прибывало к неприятелю подкрепление и смрадным прахом полегло на чужих, непокорных улицах. Перебираясь через немецкий труп, Саша подумала с торжеством:

«Довоевался, собака! Вон сколько вас падалью валяется, а город — наш. Нашим и останется!»

От этой мысли её силы как будто утроились, окрепло мужество. Она хладнокровно и точно, — пять раз в этот день,— исправляла повреждения радиосвязи под страшным огнём противника и отовсюду выходила невредимой. Случайно видевший её работу в одном из домов пожилой боец восхищённо сказал:

— Ну и храбра ты, девушка. Сама смерть перед тобой тыл дала. Счастливая ты уродилась!

— Оттого и счастливая, что храбрая! — в ответ ему крикнула девушка.

Среди ночи на узле связи дан был Саше приказ доставить аккумуляторы, продукты питания и произвести ремонт радиостанции на «Ольге». Когда она пробиралась к реке, в бою наступило временное затишье. Во многих местах города непроглядная темнота осенней ночи на короткий срок укрыла русских, как друг. Немцы испугались настороженного её мрака и открыли беспорядочную стрельбу. Внезапно загорелся остов большого здания. Зарево пожара ярко осветило чужаков. Со стороны Саше показалось, что немцы как бесноватые плясали какой-то странный танец. Из-за угла, из осенней темноты станковый пулемёт русских стал косить эти фигуры. «Ах, побольше бы их полегло в этом плясе!» — прошептали сашины губы.

Она спрыгнула в утлый ялик, поплыла к острову. Неужели светил ей когда-то милый ночной свет родного неба? Даже трудно себе представить тихую лунную ночь или кроткое звёздное мерцание. Горит, загасает, снова вспыхивает в нём сейчас множество огней от сигнальных ракет, от орудийной стрельбы — страшных огней войны, ненавистных вражьих огней. Беззащитный ялик в их разноцветной стихии, как ничтожная скорлупка в океане, и в этом его спасение. Саша плывёт зигзагами; в иные мгновения убирает вёсла, ложится на дно, движется по воле волн, но всё время помнит о своей сумке с инструментом и радиолампами. Долга и опасна переправа. Ни о чём постороннем, хотя бы лично дорогом, некогда подумать. Лишь выбравшись на остров, под знакомой старой вербой неожиданно вспомнила Саша про зарытую здесь копейку. Не давайся никому, заветная, как сказочный, заговорённый клад! Не-

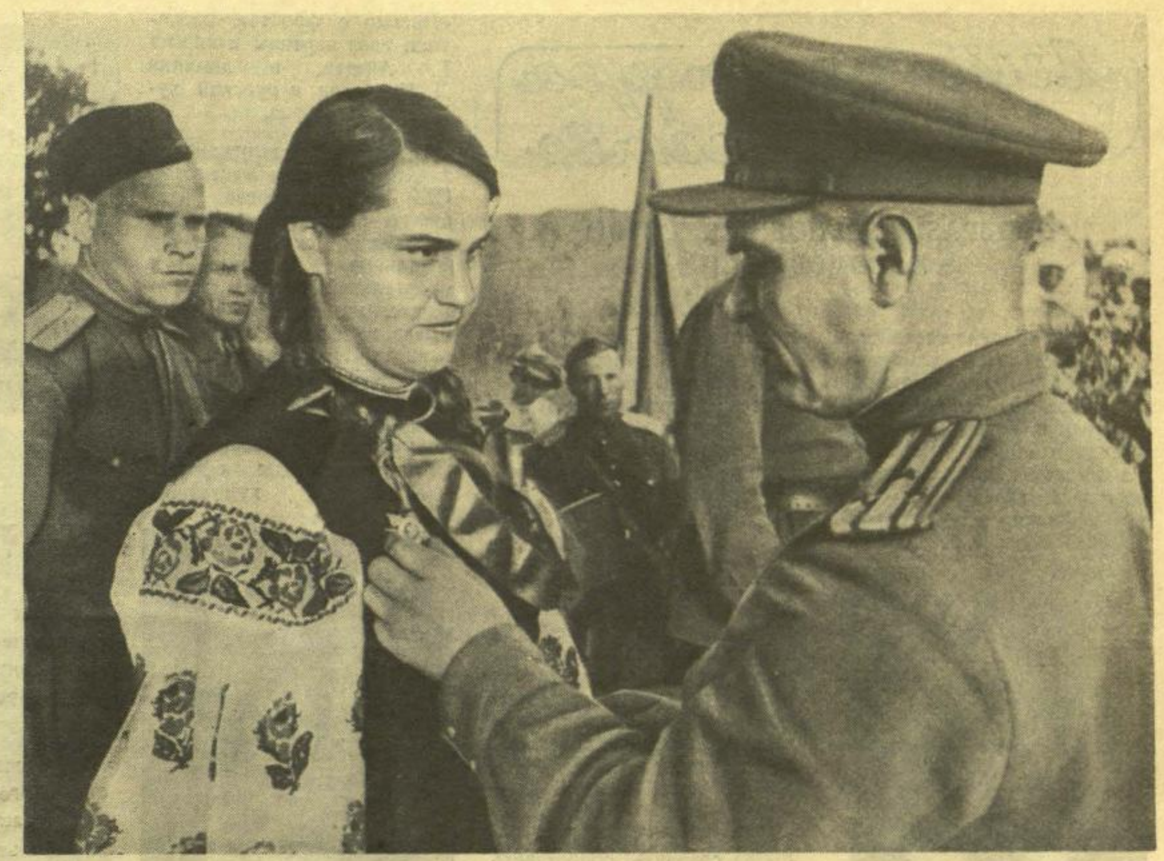

Саша быстро вбежала по ступенькам... Громко застучало её сердце. Володины глаза гневно смотрели на неё.

КОЛХОЗНИЦЫ-ПАТРИОТКИ

Фото Г. Угриновича (ТАСС).

Ульяна Михайловна Белоград.

В колхозе «Большевик», Велико-Кринковского района, Полтавской области, состоялось вручение правительственных наград славным патриоткам Марии Павловне и Ульяне Михайловне Белоград. В дни немецкой оккупации они хранили боевое знамя Н-ского танкового полка и после освобождения Полтавщины передали знамя нашему командованию. За этот подвиг правительство наградило обеих колхозниц орденами Отечественной войны II степени. На снимке: представитель командования 2-го Украинского фронта полковник П. А. Земляной вручает орден Марии Белоград.

мецкая нога пусть не смеет коснуться земли над тобой!

В блиндаже наблюдателей оказался прострел радиостанции, обрыв проводничков.

На «Ольге» сотрясалась земля. Два тяжёлых тела сражённых наших бойцов упали около Саши. Сердце девушки стиснула боль родственной жалости к ним, но её внимание не отвлеклось от неисправного телефонного ключа, руки не дрогнули. Тело у неё затекло от работы в лежачем положении, на лбу выступил холодный пот. Ну вот, есть контакт! Закончив дело, она переменила позу. Присела в блиндаже на корточках, прислонилась спиной к земляной стенке и мгновенно заснула. Спала крепко, не слыша ни грохота орудий, ни гуденья сотрясавшейся над головой земли. Сон был сладок, но длился всего минут сорок. Она приучила себя засыпать на определённый срок и пробуждаться в назначенное время, если даже некому было её разбудить. Обратный путь оказался более лёгким. Перед самым рассветом затихла стрельба. До города Саша добралась благополучно и спокойно. Но вместе с рассветом пришёл для неё день, полный душевных терзаний.

Ещё солнце не встало, как немцы возобновили бомбёжки. Сашу вызвали к разрушенной городской церкви. От церковного здания уцелела одна колокольня. В ней наверху установили радиостанцию. Но работа рации то и дело прерывалась. Взрывы многотонных бомб сотрясали воздух повсюду в городе. Колокольня содрогалась от основания до верху. Крутые ступени лестницы дрожали под сашиными ногами. Она невольно замедляла шаг. Наверху её ждали начальник радиостанции, радист и офицер-корректировщик. Нетерпеливый мужской голос, хриплый от усталости и гнева, сверху прокричал:

— Чего застряла, чортова улитка! Обмерла, что ль, со страху? Скорей!

Был в этом голосе какой-то родной, незабытый звук. Может ли быть? Саша быстро вбежала по ступенькам и тут, действительно, чуть не потеряла сознание. Громко и быстро застучало её сердце. Она удержалась, чтоб не крикнуть от испуга и счастья. Володины глаза гневно смотрели на неё. Но девушка не крикнула и не упала. Она узнала эти глаза больше сердцем, чем зрением. Голос, услышанный девушкой внизу, тоже помог догадаться, чьё лицо возникло перед ней в едком дыму на колокольне. Рядом горел кожевенный завод. От пожарища расстилался окрест смрадный, чёрный дым, останавливавший дыхание в горле, до слёз щипавший глаза. Володя её не узнал в тот момент. И не до того ему было. С завыванием пикировал «мессершмитт», на колокольню летели осколки. Люди с колокольни спустили радиостанцию вниз, антенну вытянули вверх. Ничего не слышно! Саша забыла обо всём на свете, кроме своего дела. Скорей, скорей. Там, внизу, на смерть стоят,— в предельном напряжении бьются за город, за священные его руины, за землю под ним, за свободные просторы её за ним, за славу и за честь великого народа — бойцы Красной Армии. Нельзя оставлять их без связи с командованием. Подняли радиостанцию вверх, опустили антенну. Прошло немного времени, совершенно невозможной сделалась работа радиста наверху. Опять потащили радиостанцию вниз. Саше удалось добиться слышимости. Наступило короткое успокоение. Вот здесь, в полутьме их укрытия, Володя её узнал, коротко сказал дрогнувшим голосом:

— Сашенька, вот как нам встретиться пришлось!

Они успели только взглянуть глубоко в глаза друг другу, но даже рук не удалось им соединить в счастливом рукопожатии. Адресат сообщал, что не слышит. Надо снова подниматься наверх. Установили станцию наверху. Офицер только что занял своё место, осколок снаряда ударил ему в бок. Володя упал в пролёт лестницы с омертвевшим бедром и разорванной артерией. Только чудо могло бы помочь, чтоб удалось вовремя сделать ему перевязку. Чуда не случилось. Санитар-носильщик вынес уже бездыханный его труп. Бой продолжался. Продолжала свою работу и Саша. С колокольни смогла она уйти только к вечеру второго дня. Как удалось ей собрать воедино всю свою душевную силу, чтоб не удариться обземь, не убежать со своего поста, не кинуться с горьким рыданием на распростёртое в смерти любимое тело,— она и сама не знает. Удалось. С того дня девушка поставила перед собой, как завет на всю жизнь, гордое утверждение:

— Для сильной человеческой души не может быть в жизни страдания, которого нельзя перенести.

Этот завет в слова оформился много позднее, когда на бранных полях снова пробилась зелёная трава и расцвели цветы. В тот день Саша ощутила свято и просто: в счастье ли, в славе ли, в личном ли тяжком страдании она не сможет изменить воинскому долгу, не изменит самой нестребимой любви — любви человека к своей родине.

В стремительном и беспорядочном бегстве отступили немцы от их города. Они оставили за собой одни руины, изуродованную, израненную землю, но вскормленный и вспоенный ею мощный русский дух сопротивления иноземному игу не смогли победить. Через три месяца после отступления немцев Анна Ивановна получила от Саши письмо:

«Дорогая мама! Из газет уже ты знаешь, что мы не сдались, прогнали немцев. О себе могу сообщить, что я награждена орденом Красная звезда и медалью «За отвагу». Папа очень этому рад. Я получила от него письмо с его фронта. О своих ранах, об их излечении, о награждениях своих, наверное, он тебе писал сам. От папы я узнала, что наш дедушка оказал партизанам большое содействие в крушении немецких поездов. Умер он своей смертью на партизанской базе. Милая мамочка, я очень, очень много пережила, но смогу рассказать откровенно тебе об всём только при свидании.

Я любила одного человека; он убит на посту, на моих глазах. Вот об этом писать я не могу. Всю душу мою открою только лично тебе. В моих волосах за один день появилась целая седая прядка. Но я не отчаиваюсь. Мне кажется, что после войны ещё будут у меня встречи. И замуж я выйду, и дети у меня будут, и мужа я буду любить. Но только уж не так. Мамочка, его не забыть никогда мне! С ним вместе ушла моя беззаботная юность. Разрешённым мне отпуском я не воспользовалась, потому что в мирной обстановке тяжелей мне будет исцелиться от самого большого горя, какое до сих пор я испытала. Здесь кругом товарищи, которые знают, как надо мстить врагу за смерть любимых. Я им помогаю. Здесь мне легче перенести несбывшуюся мою мечту. Мне бы только хотелось прижаться к тебе, дорогая моя мама, и разочек выплакаться на твоей груди.

Крепко, крепко, много раз целую и глаза, и щёки твои, и рученьки. А ты сама от меня поцелуй Васю, Маечку и Петю. Любящая тебя дочь старший сержант Александра Степанова».

Литература и искусство

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО НАРОДОВ СССР

В залах Государственного музея восточных культур в Москве открыта выставка произведений художников союзных и автономных республик и областей РСФСР. На выставке представлены: живопись, графика, скульптура и произведения прикладного искусства.

З. Павловский. Портрет мальчика-партизана.

Более семисот экспонатов заполняют залы музея. Красочные ландшафты Армении, запечатлённые в декоративных полотнах народного художника М. Сарьяна, сменяются величественными пейзажами горного Таджикистана (картина Е. Бурцева); своеобразная природа Киргизии с её лазоревым небом и степными просторами отображена в работах народного художника С. Чуйкова; необозримые хлопковые поля Узбекистана — в картинах Н. Карахана; Бурято-Монголия, посылающая табуны своих коней на фронт (картина народного художника Ц. Сампилова), металлургические заводы Урала (Г. Милентьев — «Цех»), суровый советский север (акварели Н. Горбунова) проходят перед зрителем.

Это, пожалуй, первая попытка сравнить, сопоставить творчество художников советского востока и запада, севера и юга. Во всех выставленных произведениях различие национальных форм и жанров искусства объединено общностью идей и чувств, волнующих нашу многонациональную родину.

Одной из излюбленных тем советского тыла, теме «Письмо с фронта», посвятили свои картины и киргиз Г. Айтиев, и армянин Д. Налбадян, и русский художник Н. Буров.

В картинах заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР У. Тансыкбаева, известного своими лирическими пейзажами, сегодня звучат батальные мотивы — гул смертельной борьбы с фашистскими полчищами. Побывав на фронте, художник написал «Прифронтовой колхоз», «На земле освобождённой» — картины, наполненные дыханием боя. Как документ гнева воспринимаются прекрасные офорты украинского художника

М. Сарьян. Автопортрет.

М. Дерегуса, изобразившего руины взорванной немцами Киевской лавры, картина молдавского художника А. Васильева «Заложники», рисунок эстонца Э. Коллома «Пожар Таллина в 1941 году».

М. Дерегус. «Руины лавры».

Образы бесстрашных партизан запечатлены в работах белорусских художников Ю. Зайцева и З. Павловского.

В развитии нового, реалистического искусства союзных и автономных республик большую роль играет русское реалистическое искусство. В тех республиках, где до революции, в силу социальных условий, не было национальной живописи и скульптуры, русские оказались первыми учителями молодых национальных художников. Традиции великих русских реалистов Репина и Сурикова одинаково высоко ценят в Грузии и в Казахстане, в Бурято-Монголии и в Азербайджане.

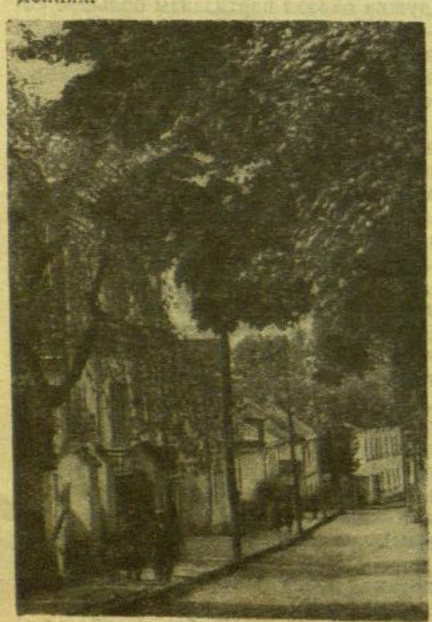
Из стен республиканских художественных школ выходит талантливая молодёжь. Казах А. Кастеев, азербайджанцы С. Салам-Заде и Г. Ахвердыев, киргизы Г. Айтиев и А. Аклбеков, таджики М. Хошмухамедов и др. создали интересные произведения.

Выставка показывает, что советское искусство несмотря на тяжесть военного времени успешно развивается в бесчисленных культурных центрах, созданных в годы революции на огромной территории Советского Союза.

Б. Веймарн

НА РОДИНЕ ВЕЛИКОГО ПОЛЬСКОГО ПОЭТА

В своём неудержимом победоносном движении на запад Красная Армия освободила в числе многих тысяч других населённых пунктов Кременец, небольшой город Тарнопольской области. Здесь родился и провёл детство польский поэт Юлий Словацкий (1809—1849). Картины природы родной Волыни, навсегда запечатлевшиеся в его памяти, он воссоздал во многих своих произведениях.

Улица имени Словацкого в Кременце.

Жизнь Словацкого была чрезвычайно богата впечатлениями. Молодость его протекала в Вильне, где его матери удалось создать кружок представителей передовой интеллигенции; её окружал цвет избранного культурного общества того времени.

Юлий Словацкий.

Ещё ребёнком Словацкий познакомился с Мицкевичем, который был десятью годами старше его. Потом, после короткого пребывания в Варшаве, он навсегда уезжает заграницу и до смерти — почти двадцать лет — скитается в чужих странах: во Франции, Италии, Швейцарии, он побывал даже в Африке.

В своём поэтическом творчестве Словацкий всегда был национален и самобытен. Конечно, на его произведениях не могли не отразиться литературные влияния — особенно английских поэтов: Шекспира, затем популярных в то время Байрона и Вальтера Скотта, — а также француза Виктора Гюго, но особенно сильно было влияние его старшего соотечественника — Адама Мицкевича. На нервновосприимчивого, необычайно впечатлительного поэта, каким был Словацкий, не могли не оказывать влияние также страны, в которых он бывал, и люди, среди которых он жил, — но со всем тем творчество его проникнуто страстной любовью к родине, жизнь которой в ту эпоху была так горька.

Громкую славу принесли Словацкому драмы «Лилла Венеда», «Балладина», «Кордиан», а также поэмы «Ангелли» и «Царь-дух».

По характеру своего творчества Словацкий — романтик. Ярко индивидуальные особенности его поэзии — сила и богатство художественного вымысла, связанные с необыкновенным разнообразием жанра и стиля, образов и картин.

Прекрасные создания неудержимой фантазии сменяются в его произведениях то картинами борьбы могучих страстей, то изображениями благородных порывов человеческого духа, то уступают место лирике—и всё это на фоне бесконечной любви к своей страдающей родине.

Фашистские вандалы в своём зверином стремлении уничтожить создания славянской культуры разрушают памятники польских поэтов, уничтожают посвящённые им музеи, запрещают изучать их творения, сжигают их книги, — но после позорного изгнания фашистов со славянских земель славянская культура возрождается к ещё более богатой, ещё более прекрасной жизни.

Н. Греков

Здесь родился и жил Словацкий. В этом доме сейчас организован музей имени великого польского поэта.

Фото Б. Игнатовича

Литература и искусство

«ЩИТ ДЖУРГАЯ»

Фильм Тбилисской студии

Грузинское оперное искусство, музыка, народные песни и пляски Грузии своей колоритностью и своеобразием радуют сердце и глаз не только грузина: все народы многонационального Советского Союза знают и любят артистов Грузии, её певцов и танцоров. Оперы «Даиси» и «Абессалом и Этери» с успехом идут по всему СССР.

Поэтому вполне понятен тот интерес, с каким встречен зрителями новый художественный фильм Тбилисской киностудии «Щит Джургая», составленный из произведений грузинских композиторов в исполнении лучших артистов Грузии.

Авторы сценария — поэт Г. Леонидзе и режиссёры С. Долидзе и Д. Рондели — попытались придать этому киноконцерту сюжетную форму. На экране показаны проход красноармейской части по живописным дорогам Грузии, среди пышных фруктовых садов и виног-

радников, переправа через реку, путь по горным кручам. Под командой офицера (народный артист Грузинской ССР Д. Бадридзе) с песней идут красноармейцы на фронт, на защиту родного Кавказа. Короткие привалы, посещение древней крепости в скалах — всё это повод и для лирических встреч и для показа на экране поэтической ленты о славном витязе Джургае (народный артист Грузинской ССР Ц. Гамрекели).

Жизнь отдал Джургай в борьбе с чужеземными захватчиками и оставил в долине Алазани свой чудесный щит, вновь оживающий всякий раз, когда родине грозит опасность. Ожил и зазвенел щит Джургая в те дни, когда гитлеровские полчища бешено рвались к воротам Кавказа. Выступили грузинские воины в поход и отразили вместе со всей Красной Армией удар ненавистных оккупантов... Основная ценность фильма — замечательная музыка, прекрасные голоса певцов, искусство танцоров во главе с народным артистом Грузинской ССР В. Чабукиани.

Очень удачно вкраплены в этот фильм музыка и песни Украины. В сцене привала мы видим офицера-украинца. Это так характерно для нашей Красной Армии, в рядах которой объединены все национальности братской семьи народов СССР.

В роли украинца-капитана снимался народный артист УССР М. Гришко. Он запевает песню о своей родине. И на экране горные пейзажи Грузии сменяются просторами украинских степей, широкими водами Днепра, живописными полями подсолнечников. «Как весенний Днепр,— поёт капитан, — всех врагов снесёт наша армия, наш народ».

С особенным волнением примут этот фильм солдаты и офицеры — грузины—на фронте. Вдали от своей солнечной, цветущей отчизны увидят они родные горы, лихую народную пляску, услышат любимые песни.

Олег Леонидов

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выдающийся деятель русского музыкального искусства Борис Владимирович Асафьев соединил в своём лице художника и учёного. Сейчас, когда ему исполнилось шестьдесят лет, отчётливо виден тот громадный вклад, какой внёс Асафьев в сокровищницу русской культуры.

Перу Асафьева принадлежат замечательные труды о Глинке, Чайковском, Мусоргском, Римском-Корсакове.

Великолепный знаток балета, Асафьев написал балетную музыку на большие литературные и исторические темы. Таковы «Пламя Парижа» (из истории французской революции конца XVIII века), «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник» (по Пушкину), «Ночь перед рождеством» (по Гоголю), «Утраченные иллюзии» (по Бальзаку), «Партизанские дни» (о гражданской войне 1918—1920 годов) и другие. Владея всеми формами музыкального творчества, Асафьев написал несколько симфоний, камерных инструментальных и вокальных произведений, оперы: «Казначейша» (по Лермонтову), «Гроза» (по Островскому), «Медный всадник» (по Пушкину).

Ленинградец Асафьев провёл в своём родном и любимом городе все труднейшие месяцы блокады, вплоть до февраля 1943 года. Ничто не могло сломить дух этого стойкого и мужественного человека, и при свете коптилки, в нетопленных комнатах, под грохотом об-

Б. В. Асафьев.

стрелов и бомбёжек, Асафьев написал несколько исторических работ и музыкальных произведений. Здесь труды о Глинке и Чайковском, и книги о Григе и чешской музыке, и балет на славянском материале «Милица» (о современной Югославии), и сюиты небольших балетов, и чудесный дуэт виолончели и арфы, написанный в ноябре 1941 года, выразительно названный «Суровые дни».

Выдающиеся заслуги Асафьева в области музыкального искусства высоко оценены нашим народом и правительством. Лауреат Сталинской премии, действительный член Академии наук, народный артист республики, ранее награждённый орденом Трудового красного знамени, Асафьев награждён в день своего шестидесятилетия орденом Ленина.

Н. Волков

НОВЫЕ РАБОТЫ В. МУХИНОЙ

В мастерской народного художника СССР В. Мухиной находится одна из её новых работ — бюст главного маршала артиллерии Н. Воронова.

Новая скульптура интересна, помимо большого сходства, огромным внутренним содержанием: сила воли, уверенность, целеустремлённость отличают этот портрет.

Скульптором недавно закончены портрет одного из лучших дирижёров — Евгения Мравинского — и портрет Героя социалистического труда академика Крылова, отображающий большое обаяние и огромный интеллект учёного.

В настоящее время Мухина работает над памятником П. И. Чайковскому. Он будет установлен в Москве. Его размер — по сравнению с её двадцатичетырёхметровой фигурой «Рабочий и колхозница», прославившейся на Парижской выставке,— небольшой — всего четыре метра. Скульптор ставит своей задачей создать памятник, полный глубокого содержания, передать присущие композитору черты характера. Одновременно В. Мухина не прекращает работы над портретами лучших людей Советской страны. Серия «Учёные Советского Союза» пополнилась прекрасным портретом известного химика, члена-корреспондента Академии наук Н. Качалова.

В ближайших творческих планах скульптора — создание монумента, посвящённого советско-англо-американскому союзу. В его названии заключена основная идея— «Единение».

В. Шевцов

В. И. Мухина за работой в своей мастерской.

НА НЕФТЕПРОМЫСЛАХ БОРИСЛАВА

Фото Н. Коллн.

В четырнадцати километрах от Дрогобыча, в горной долине поднимаются нефтяные вышки Борислава. Этот крупный центр нефтедобывающей промышленности Западной Украины освобождён нашими войсками. Рабочие Борислава немало сделали для того, чтобы сохранить оборудование нефтепромыслов. Немцы, отступая, подожгли несколько вышек. Тотчас же после освобождения города началось восстановление промыслов.

На верхнем снимке: наши передовые подразделения стремительным броском захватывают бориславские нефтепромысла. На нижнем снимке: секретарь бориславского горкома партии И. П. Даниленко и главный инженер нефтепромыслов В. М. Семёнов (в центре) с группой рабочих и специалистов распределяют участки промыслов.

Из прошлого

ЧЕРНЫЕ ПАРУСА

В. Виноградов-Мамонт

1

В 1799 году эскадра адмирала Ушакова блокировала неприступную крепость Корфу и её форпост — остров Видо. В февральскую ночь в каюте флагманского корабля «Святой Павел» адмирал разрабатывал план предстоящего штурма.

Вошёл флаг-офицер:

— Ваше превосходительство! Матросы выловили винную бочку. В ней письмо от коменданта острова Видо.

— Читай.

— «Русскому медведю — адмиралу Ушакову — или по турецкому прозвищу Ушак-паше.

Фортуна, распределяя блага, посмеялась над вами. Русским послала гнилую солонину и тухлую воду. А французам — ароматное вино и жареных куропаток. Нам оставила серебряные ложки, а вам — деревянные чумички. (Ибо дорогую посуду и звёзды, осыпанные бриллиантами, вы заложили албанским купцам, чтобы купить капоты своим полуголым матросам.) Фортуна издевается над вами. А скоро щёлкнет по носу, если вы не отступите от Корфу. Убирайтесь, пока целы! А мы, как гостеприимные хозяева, дарим вам винную бочку. В ней вы доплывёте до берегов России.

Генерал Пиврон».

Ушаков нахмурился:

— Пьяница Пиврон! Я отучу тебя от таких подарков...

— Тут приписка есть.

— Дочитывай.

— «Ушак-паша! Торопитесь! Наш корабль «Женерё» вышел в море. Скоро вернётся с могущественной флотилией и пустит вас ко дну».

— «Женерё» бежал?— глухо спросил Ушаков.

— «Женерё» ушёл хитростью. Он вычернил паруса и ночью проскользнул между турецких фрегатов.

— Бездельники! Упустили! Осрамили перед Европой!

Флаг-офицер выскочил из каюты и кликнул боцмана Спиридона Долголетова. Спиридон родился в день Гангутской победы. Царь Пётр I крестил его и дал фамилию: Долголетов. Спиридон, действительно, прожил восемьдесят пять лет, участвовал во всех знаменитых сражениях и заслужил право называть Ушакова по имени-отчеству. Он был единственным человеком на эскадре, который мог безнаказанно входить к адмиралу в минуту его ярости.

Спиридон шагнул в каюту.

— Кто там?— буркнул адмирал.

Спиридон, молча, зажёг канделябры и поставил перед портретом Петра Великого. К портрету прибита медная доска. На ней награвированы победы русского флота от Гангута и Чесмы до Керчи, Гаджибея, Калакрии и других сорока сражений, выигранных самим Ушаковым.

Спиридон циркулем начиркал на доске какое-то слово.

— Что ты царапаешь?

— Не фырчи, батюшка Фёдор Фёдорыч. А что начиркал я, оком орлиным своим окинь.

— Корфу?

— Так точно. Корфу на абордаж брать надо. Пора славу флотскую умножить! Во имя крёстного отца моего, императора Петра Алексеича.

— Спасибо, старик! Ступай!

2

28 февраля на «Святом Павле» собрался военный совет.

— Господа капитаны! Весь мир взирает на великую отчизну нашу. Орёл славы российской фельдмаршал Суворов летит в Италию и скоро потрясёт Европу громом побед своих. А мы, офицеры флота, как послужили? Вот что пишет британский адмирал Нельсон: «Русские слишком щегольски позволили «Женерё» убежать». Позор! А посему... (Ушаков встал. Поднялись и все офицеры)... приказываю: в знак позора вычернить паруса.

— Всей эскадре?— тихо спросил флаг-офицер.

— Нет. Только одному кораблю. Нерадивейшему. А кто оный, объявлю позже.

Адмирал сел. Сели и капитаны.

— И будем ходить под чёрными парусами, пока кровью не смоем позор свой. Пока не возьмём крепости Корфу.

— Разрешите завтра же ринуться на штурм!— просили офицеры.

— Господа капитаны! Взять крепость Корфу — столь славное дело, что на будущее время эпохою может служить, — отчеканил Ушаков и прибавил с тонкой иронией: — И достойным ответом Нельсону. Крепость Мальта другой год в блокаде. Когда возьмёт её Нельсон,— ещё неизвестно. А мы завтра покорим Корфу или...

— ...умрём! — воскликнули капитаны.

— Вот моя диспозиция. Ознакомьтесь.

Офицеры изучали ушаковскую диспозицию, как всегда поражавшую смелостью замысла и оригинальностью тактического решения. Русских офицеров не пугало неравенство сил. В Корфу за гранитными стенами — под прикрытием 636 пушек — сидел трёхтысячный гарнизон. А наш десант едва насчитывал 1500 солдат морской пехоты.

— Угодно вопросы?

Флаг-офицер заметил:

— В диспозиции не указано, кто атакует центральную батарею.

— Батарею атакую я. На «Святом Павле».

Капитаны протестовали:

— Прикажите любому из нас идти на батарею! Погибнуть, но сохранить вашу жизнь!

Адмирал Ф. Ф. Ушаков.

— Я привык сам поражать неприятельского флагмана,— отвечал Ушаков.— И кому доверюсь, если вы упустили столь ценный приз, как «Женерё»?!

Флаг-офицер напомнил:

— Кому прикажете чернить паруса?

— Самому нерадивому кораблю, «Святому Павлу».

Капитаны устремились к адмиралу:

— Умоляем отменить приказ!

— Более всех виноват я... — строго произнёс Ушаков и дружеским тоном добавил: — Господа! Завтра штурм. Пожмём руки друг другу перед битвой!

3

Под утро на «Святом Павле» раздался сигнал:

— Все наверх!

Под чёрными парусами, при свисте зимнего ветра выстроились матросы. Послышалась любимая ушаковская команда:

— Кавалеры полного банта, вперёд!

Выступили Спиридон Долголетов и шесть комендоров, украшенные «полным бантом», то есть георгиевскими крестами всех четырёх степеней.

Ушаков оглядел ряды матросов, одетых в албанские капоты. И вдруг голос его задрожал нежностью и заботой:

— Тепло ли вам, братцы?

От этих слов любимого адмирала, от звука голоса его слёзы подступили к горлу суровых моряков.

Спиридон прошептал:

— Покорно благодарим... тепло... — И, превозмогая волнение, крикнул:—Ребята! Адмиралу-отцу — ура!

Грянуло могучее «ура».

— Отец наш! — наперебой говорили комендоры.— Ради нас ты заложил свои ордена и звёзды. На них капоты купил нам. Но скорбно видеть, как ты без орденов ходишь. Возьми кресты наши!

— Нет! Мои ордена там, на батарее врага.

— Веди нас на батарею! Вернём твои ордена!

— Господа комендоры! Из всей древней истории не нахожу я примера, чтобы корабль шёл грудью на непотушенную батарею. Это значит идти на геройскую, но верную смерть.

— Веди нас! С тобой побеждали, с тобой и умрём!

— Батюшка, Фёдор Фёдорыч!— воскликнул Спиридон.— Решились черноморцы! Матросы чистые тельняшки надели, крестами нательными обменялись. Друг другу братское целование дали — идти на смерть.

— Веди, отец! А драться и помирать мы будем по-черноморски!

— Братцы!— отвечал Ушаков.— Служители великой родины нашей! Ваша доверенность ко мне совершала мои успехи. Вы клянётесь мне сражаться по-черноморски. А я обещаю вам победить по-черноморски!

— Ура!— закричали матросы, бросая вверх шапки.

— Комендоры — к орудиям! Боцман — к Андреевскому флагу! — командовал адмирал.— Черноморцы! Наш парад принимает Россия. А командует парадом отец флота Российского Пётр Великий. Будем достойны Петра и России. К бою!

И «Святой Павел», подняв чёрные паруса, понёсся по древним волнам Ионического моря.

4

1 марта, в 7 часов утра, русская эскадра бомбардировала форпост на острове Видо. Союзные турецкие суда стали во вторую линию и стреляли по крепости через русские фрегаты.

Пиврон, умный и опытный вояка, наблюдал передвижения русских кораблей.

— Русские медвежата танцуют! Но им скучно без музыки. Артиллеристы, сыграйте им марш!

Французы открыли убийственный огонь. Русские корабли, презирая опасность, прорывались к берегу. Десант сел на шлюпки, готовясь к высадке.

— Мадемуазель Корфу — старая дева. Она уже двести лет хранит невинность,— острил Пиврон.— А этот русский адмирал-лапотник задумал нарушить девственность красавицы, рождённой Венецией и Генуей и увенчанной благородной Францией! Батарея! Калёными ядрами — огонь!

Тучи раскалённых ядер обрушились на русские корабли. Вспыхнули пожары.

— Браво! Люблю эффектное зрелище!— торжествовал Пиврон.— Музыки, побольше музыки! Французы! Палить из всех пушек!

Положение русской эскадры стало критическим.

В эту минуту из-за мыса показался огромный корабль. Он летел на чёрных парусах, как исполинская чёрная птица, как буря, как чёрный смерч. На корабле царила мёртвая тишина. Как будто у пушек не дежурили комендоры с дымящими фитилями, морская пехота не привинчивала штыки к ружьям и старейший боцман Российского флота не стоял у Андреевского флага.

— Чорт возьми! Неужели это шалун «Женерё»!— недоумевал Пиврон.— Стой! Не стрелять в красавца!

«Святой Павел» промчался мимо турецких судов. Грозный ход корабля устрашил турок.

— Ушак-паша идёт! Усмиритель Чёрного моря! — кричали турки и падали на колени, вспоминая разгром при Керчи, Гаджибее и Калакрии. По приказу своих капитанов турки палили по крепости, но со страху всадили два ядра в борт «Святого Павла».

— Турки бодаются? Стало быть, это действительно «Женерё»,— решил Пиврон.— Но на всякий случай... Артиллеристы! Все орудия навести на корабль.

«Святой Павел» нёсся прямо на батарею. Он приблизился на пушечный выстрел... на картечный... на малый картечный... на пистолетный выстрел...

Тогда загремел голос Ушакова:

По страницам зарубежной печати

ТИПОГРАФИИ-ДОТЫ

На освобождённой территории Словении вышла брошюра, озаглавленная «Встреча журналистов», в которой даётся отчёт о первой конференции работников подпольной патриотической печати. Брошюра украшена двумя гравюрами на линолеуме, сделанными известным художником Михевичем.

«На протяжении трёх лет освободительной борьбы,— говорится в брошюре,— наша подпольная литература продолжала выходить без перерыва. В самые тяжёлые времена она вселяла в нас уверенность в том, что освободительное движение непобедимо. Каждый раз после расстрела заложников, на следующий день, во всех домах появлялась листовка. С новым подъёмом люди принимались за работу и бросались в борьбу.

Типографии-доты в большинстве случаев были построены в сырых, низких подвалах. Типографский рабочий не мог выпрямиться, не ударившись головой о потолок. В сырости, спёртом воздухе и при тусклом свете мы ночь и день печатали листовки и газеты. Только для одной кампании мы напечатали 40 тысяч листовок, которые нужно было разрезать ручным способом и, минуя вражеские патрули, отправить на явочные пункты. Десятки дотов-типографий были разбросаны по всей Словении. Когда случалось, что нас выслеживали, мы спасались с гранатой в руках, но живыми не сдавались.

Сегодня мы от шапирографа почти полностью перешли к печатному станку.

Посетители устроенной нами выставки печати восхищались многочисленными журналами и газетами корпусов, дивизий, бригад, батальонов и отрядов Народно-освободительной армии. На выставке было представлено более 200 газет, выходящих в воинских частях».

Армии союзников успешно изгоняют гитлеровских оккупантов из Франции. Французские войска под командованием генерала Леклерка на северозападе, Делаттра де Тассиньи на юге, силы внутреннего фронта под командованием генерала Кенига активно участвуют в борьбе против оккупантов и предателей. На снимке: население освобождённого французского городка радостно встречает своих освободителей.

КАРТЫ КРАТЧАЙШИХ ПУТЕЙ

«Географические карты, к которым мы привыкли со школьной скамьи, стареют. Они дают совершенно неправильную картину путей, по которым будет после войны развиваться транспорт между отдельными континентами и океанами»,— говорится в статье, напечатанной в американском журнале «Ридерс дайдшест».

«Мы выросли на картах,— продолжает автор,— делящих мир на два полушария: Западное и Восточное. Деление совершенно произвольное, но незаметно для себя мы поверили, что это чуть ли не два независимых друг от друга полушария и что связь между ними должна непременно поддерживаться по горизонтальным линиям—с запада на восток, с востока на запад.

Практически это было верно в былые времена, когда корабли, особенно парусные, должны были считаться с морскими течениями, ветрами, айсбергами и не могло быть и речи о том, чтобы они совершали регулярные рейсы через полярные районы. Авиация, однако, не знает этих трудностей.

Если верить картам, то кратчайший путь из Северной Канады в Центральную Сибирь идёт по горизонтали на восток. Возьмём, однако, карту, изображающую Северное полушарие, с Северным полюсом в центре. Эта гораздо более современная карта (поскольку мы живём в эпоху авиации) ясно показывает, что кратчайший путь из Канады в Сибирь проходит в северном, а не в восточном направлении.

Карта с Северным полюсом в центре преподнесёт нам немало сюрпризов. Оказывается, что американский город Ном (Аляска) приблизительно на 1300 километров ближе к советскому городу Мурманску, чем к столице своей страны — Вашингтону.

Далее, оказывается, что от Берлина до Нома всего лишь на 200 километров дальше, чем до Детройта.

Если мы рассмотрим карту южного полушария с центром в Южном полюсе, то окажется, что кратчайший путь из Буэнос-Айреса (Южная Америка) в Перт (Австралия) проходит через Южный полюс.

Из карты Северного полушария мы узнаем, что для того, чтобы попасть из Лос-Анжелоса (США) в Чунцин (Китай), вовсе не нужно ездить в западном направлении. И здесь кратчайший путь идёт в северном направлении, через Алеутские острова и Камчатку.

НАУКА и ТЕХНИКА

ЦВЕТЫ И РЕНТГЕН

Известно, что у растений под влиянием облучения рентгеном происходят изменения. Высота стеблей, кустистость, ветвистость, окраска и форма листьев и цветов — словом, все части и органы растений подвержены изменениям и в тем большей степени, чем больше «доза» рентгеновских лучей.

Однако от очень большого количества лучей растения гибнут. Поэтому для каждого вида необходимо экспериментальным путём устанавливать те «дозы», которые вызывали бы наибольшее количество интересных изменений.

В Московском ботаническом саду были проведены опыты по облучению семян некоторых декоративных растений — левкоя, гвоздики, табака, душистого горошка и астр. Семена подвергались облучению различными дозами рентгеновских лучей — от очень небольших до таких, которые приводят растения к гибели.

Оказалось, что душистый горошек и астры, например, более чувствительны и погибают от таких лучей, от которых другие растения, скажем гвоздика и левкой, только лучше развиваются. Табак занимает промежуточное положение.

Но именно в посевах облученного табака наблюдалось наибольшее количество изменений. Прежде всего менялись листья, величина которых заметно уменьшалась при увеличении силы рентгеновских лучей. Наиболее интересные перемены касались формы цветка. Цветок у декоративного табака имеет пять долей венчика, очень редко — шесть. Под действием же рентгеновских лучей до 27%, т. е. больше четверти цветов табака, приобретает новую форму, причём число долей венчика доходит до двенадцати.

— Господа комендоры, огонь!

Грохнул залп прославленных ушаковских комендоров. Французская батарея, потрясённая чудовищным ударом ядер, заволоклась дымом. Прислуга была перебита, Пиврон засыпан землёю. Форпост пал.

В 11 часов Ушаков выбросил сигнал: «Десант на берег». После ожесточённого штурма крепость капитулировала. На милость победителя сдался трёхтысячный гарнизон с четырьмя генералами. Среди пленных откопанный русскими матросами генерал Пиврон.

5

Играло солнце. Зеленели волны. На «Святом Павле» раздувались белые паруса. На палубе расставлены столы. За ними обедала команда в новеньких форменках.

В кают-компанию были приглашены пленные генералы. На столе перед Пивроном в деревянной рамочке желтело его хвастливое письмо к адмиралу.

Вошёл Ушаков в парадном мундире, сияя муаровой алой лентой, звёздами и орденами. Флаг-офицер, указав на портрет Петра, сказал:

— Ваше превосходительство! Пора к списку ваших побед прибавить блистательнейшую — взятие Корфу.

— Подождём, что скажет история.

— Адмирал Нельсон прислал своё поздравление.

— Благодарите адмирала. И отправьте ему английский корабль «Леандр», освобождённый нами в Корфу. Дабы блокада Мальты не затянулась на третий год.

За обедом Ушаков спросил флаг-офицера:

— Хватит ли трофейных бочек, чтобы нам доплыть до берегов России?

Серебряная ложка в руке у Пиврона задрожала.

— К чему нам бочки?— улыбнулся флаг-офицер.— Мы захватили целую флотилию из 20 вымпелов. На ней мы буксируем пленных.

— Раздайте пленным албанские капоты. Нето замёрзнут. Фортуна немилостива к ним. Отобрала жареных куропаток и прочих припасов десять тысяч пудов. Вина лишила. А угостила водой и солониной. А ложки у них какие: серебряные или деревянные?

Пиврон поперхнулся и уронил ложку на стол.

Провозгласили здравицу адмиралу. Грянул салют.

В каюту вбежал Спиридон Долголетов:

— Батюшка, Фёдор Фёдорыч! Главный салют тебе... депеша!

Флаг-офицер распечатал и прочитал вслух:

«Непобедимому адмиралу Ушакову.

Великий Пётр жив! Ура Российскому флоту! Жалею, зачем я не был при взятии Корфу, хотя мичманом!

Суворов».

— Вот он, приговор истории — произнёс Ушаков, подошёл к портрету Петра и на доске славы крупными буквами начертил «Корфу».

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Фото Е. Лангмана (ТАСС)

Анне Ивановне Беляевой 63 года. Её бодрости, жизнерадостности, работоспособности позавидует и молодой. Живёт Анна Ивановна в деревне Лобково, Струнинского района, Ивановской области. Звено, которым она руководит, считается одним из лучших в колхозе.

Анна Ивановна вырастила десять сыновей и семь дочерей, а внуков у неё теперь пятьдесят. Пять сыновей на фронте. Остальные работают в колхозе, в городах, на военных заводах. Дружная, трудовая семья Беляевых пользуется любовью и уважением односельчан.

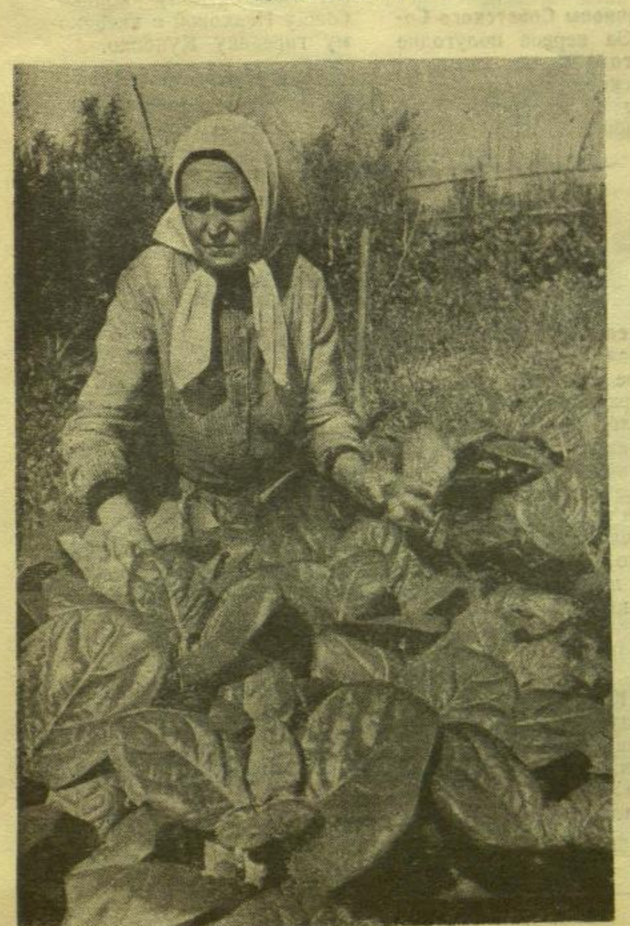

Анна Ивановна Беляева.

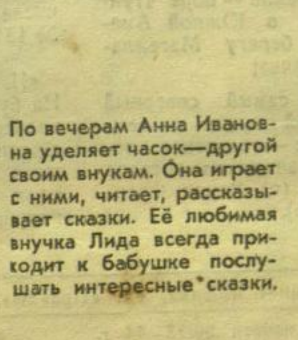

В выходной день у Анны Ивановны собираются её дети. Сейчас с ней только пять её сыновей: приехавший в отпуск лейтенант Семён Максимович, председатель колхоза Степан Максимович, заведующий хозяйством Пётр Максимович, инвалид Отечественной войны Александр Максимович и самый младший сын — тракторист Гавриил Максимович.

На этом снимке вы видите три поколения семьи Беляевых. →

Свободные от работы на поле часы Анна Ивановна проводит на своём огороде. Она выращивает особый сорт табака для своих сыновей-фронтовиков.

По вечерам Анна Ивановна уделяет часок—другой своим внукам. Она играет с ними, читает, рассказывает сказки. Её любимая внучка Лида всегда приходит к бабушке послушать интересные сказки.

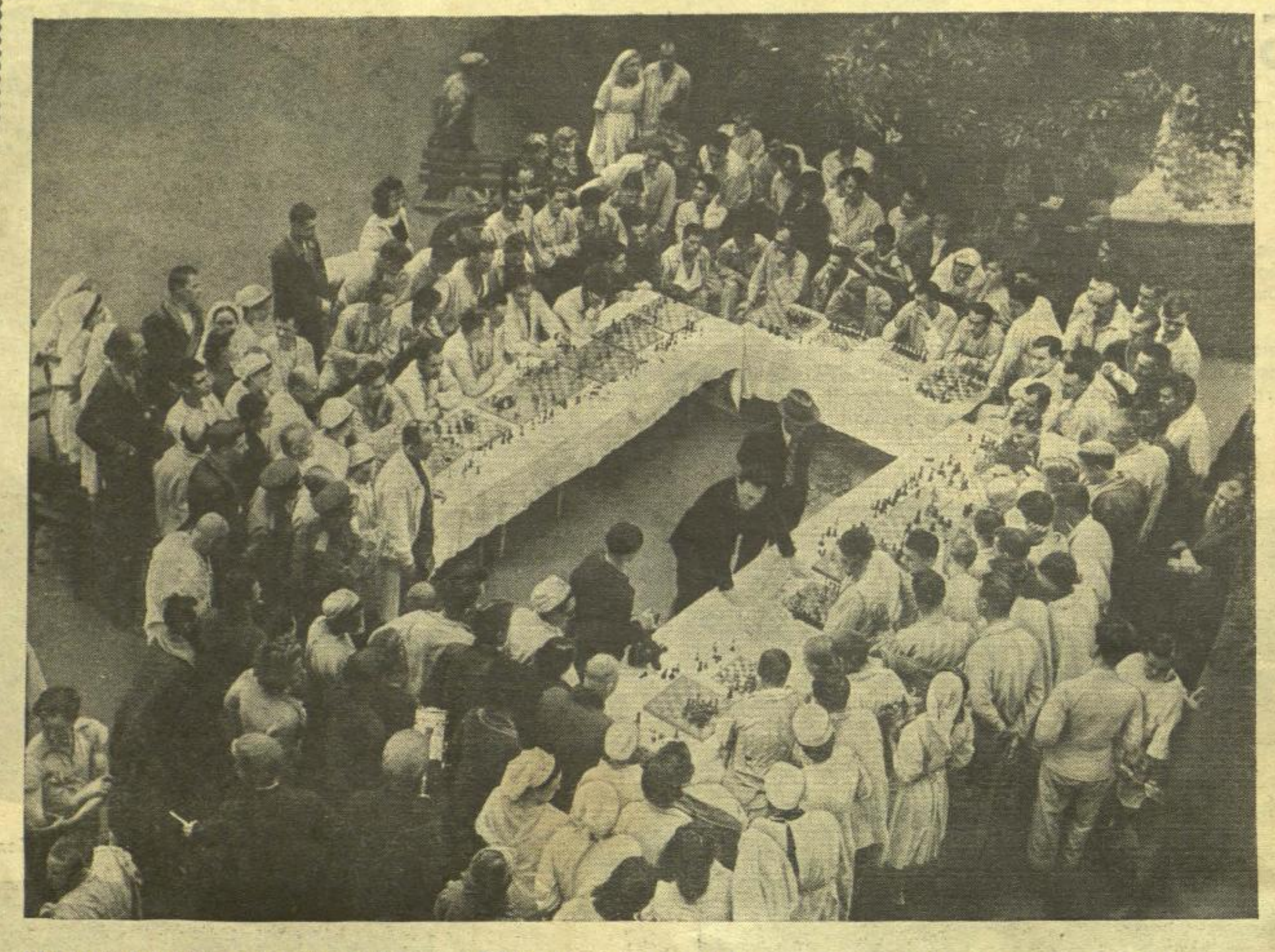
СПОРТ

В редакцию «Огонька» поступают письма читателей с просьбой ответить на интересующие их вопросы спорта. Даём ответы на эти вопросы.

Матчи московских футболистов. Футбольное первенство Москвы в 1944 году проводится в три круга. После первого круга игр команд мастеров (в этой группе участвуют восемь команд) положение «противников» следующее. На первом месте профсоюзная команда «Торпедо», набравшая в 7 играх 10 очков (победа — 2 очка, ничья — 1 очко, поражение — 0 очков). Такое же количество очков имеют команды «Спартака» и «Динамо 1». У каждой по 4 выигрыша, 2 ничьих и по 1 поражению. Места между ними определились по забитым и пропущенным мячам. Лучший баланс мячей у «Торпедо»: 16 забитых и 6 пропущенных мячей; у команды «Спартак»—12 и 5 (2-е место); у «Динамо 1»—14 и 9.

Команды ЦДКА и «Динамо 2» имеют по 9 очков.

Второй круг матчей начнётся осенью, после розыгрышей кубков Москвы и Всесоюзного комитета физкультуры.

Шахматный турнир в госпитале. Чемпион СССР по шахматам М. Ботвинник провёл сеанс одновременной игры на 25 досках среди раненых бойцов и командиров госпиталя, которым руководит подполковник медицинской службы профессор Р. Галонзко. Результат игры: 24 партии выиграл Ботвинник, одна партия сыграна вничью.

Фото П. Струкова

История гонок гребных восьмёрок. Первая в мире встреча гребных восьмёрок между командами Оксфордского и Кембриджского университетов произошла 121 год тому назад. История этого традиционного соревнования, привлекающего на берега Темзы до миллиона зрителей, такова. В шести милях от Лондона находился кабачок, куда приезжали на лодках студенты Оксфордского и Кембриджского университетов пить пизо в дни каникул. На пути к кабачку был шлюз, который задерживал запоздавшую лодку. Так как помещение кабачка не могло вместить две команды гребцов, то лодки соревновались в скорости, чтобы проскочить шлюз первыми и занять зал кабачка.

Директор Кембриджского университета предложил утвердить традиционные гонки между восьмёрками двух университетов на это расстояние. Так началась самая древняя традиция спортивной встречи.

Начало «кросса». Начало бега по пересечённой местности относится к 1867 году. В этот год в Англии впервые был проведён «лесной» бег.

Первое соревнование боксёров. Первое соревнование по боксу произошло в Англии в 1681 году.

Рекорды пловцов. Бенгалец Кас плавал со связанными руками 62 с половиной часа, француз Пуликен был под водой в течение 6 минут 24,8 секунды, англичанин Блейк нырнул на глубину 23 метра 61 сантиметр.

Чемпионы Советского Союза. За первое полугодие 1944 года звание чемпиона Советского Союза присуждёно 39 мужчинам и 15 женщинам. Это звание абсолютного чемпиона СССР присуждается только по пяти видам спорта: конькам, гимнастике, борьбе, боксу и гирям. В 1944 году оно присуждено ленинградскому конькобежцу Петрову, московскому конькобежцу Исаковой и киевскому гиревику Куценко.

Заслуженный мастер спорта СССР
П. ИППОЛИТОВ

СТО ЛЕТ НАЗАД

(По страницам русской печати за 1844 год)

Академики Императорской академии Художеств, братья Григорий и Никанор Чернецовы, давно известные как живописцы и рисовальщики, совершив на собственный счёт путешествие далёкое, многотрудное, возвратились в С.-Петербург.

Академики Чернецовы отправились в 1840 году из С.-Петербурга в Италию. Во Флоренции, Риме, Неаполе они изучали натуру и искусства два года. Из Неаполя морем пустились они на Восток и с Александрии начали вновь свои художественные занятия.

Чернецовы, проехав Абукар и Розетту, из последней, водою по Нилу, достигли Каира и там занимались рисованием с натуры. Из Каира Чернецовы предприняли путь в Палестину, через пустыню Суэзского перешейка.

Плоды этого путешествия составляют собрание 550-ти рисунков, снятых с натуры планов, архитектурных чертежей, костюмов, и подробные записки о всех предметах, встречавшихся им в путешествии» («Московские Ведомости» № 100).

* * *

«В прошлом 1843 году, в Новочеркасской Епархии, скончался старик 145 лет. Следовательно, он родился в 1698 году, в царствование Петра Первого, за 4 года прежде основания С.-Петербурга» («Московские Ведомости» № 94).

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ...

... что самый старый университет мира — Болонский университет в Северной Италии, основанный в 1158 году;

... что самый северный город на земном шаре — маленький рыбачий городок Гаммерфест, на севере Норвегии;

... что самый южный город на земле — порт Пунта-Аренас в Южной Америке, на берегу Магелланова пролива;

... что самый северный населённый пункт на земном шаре — советская полярная станция на острове Рудольфа (на Земле Франца-Иосифа).

50 ЛЕТ НАЗАД

(По страницам русской печати за 1894 год)

«В сорока двух верстах от Варшавы лежит деревня Желязовая Воля (Железная Воля), в которой восемьдесят четыре года тому назад родился великий композитор Фридрих Шопен. Здесь-то 2-го октября текущего года и происходило торжественное открытие памятника гениальному автору столь популярных мазурок. Почин постановки памятника Шопену принадлежит всецело нашему даровитому музыкальному деятелю, пианисту-виртуозу и композитору Милию Алексеевичу Балакиреву.

За час до открытия памятника из дома вынесли пианино и поставили его под вековою развесистою елью, под которой любил сиживать Шопен; трёхтысячная толпа окружила пианино; играли один за другим три пианиста и в числе их г. Балакирев» («Всемирная иллюстрация» № 1343).

* * *

«И. К. Айвазовский попрежнему плодовит и неутомим. На будущей академической выставке появятся сразу пять полотен его кисти. Одна из картин интересна тем, что художник вводит здесь в марину жанр. Эта картина изображает «Утро на торговом пароходе» — и в ней почти нет моря, так как три четверти полотна отведено пароходной палубе» («Всемирная иллюстрация» № 1310).

Ответственный редактор М. ДОБРЫНИН. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А5287. 2½ печ. л. Подписано к печати 20/IX—44 г. Изд. № 571. Тираж 100 000. Заказ № 1588.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Шахматы

Под редакцией мастера
Н. Зубарёва

ПАРТИЯ № 21

играна в финале XIII
первенства СССР
Старо-индийская

Рагозин (белые)	Хавин (чёрные)
1. d2 — d4	Kg8 — f6
2. g2 — g3	g7 — g6
3. Cf1 — g2	Cf8 — g7
4. Kg1 — f3	0—0
5. 0 — 0	d7 — d6
6. c2 — c4	Kb8 — d7
7. b2 — b3	c7 — c6

Не было нужды отказываться от естественного продолжения 7.... e7 — e5

8. Cc1 — b2	Фd8 — c7
9. Kb1 — c3	Лf8 — e8

Теперь e7 — e5 уже не проходит из-за 10. de, de; 11. Ca3, Лe8; 12. Cd6 с лучшей игрой у белых.

10. d4 — d5	c6 : d5

Здесь чёрным следовало играть 10.... e6. Дальнейшую часть партии чёрные играют крайне непоследовательно и теряют время без всякой пользы.

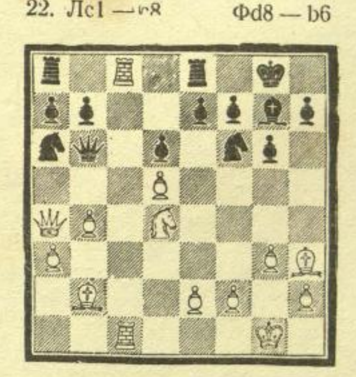
11. c4 : d5	Фc7 — a5
12. Kf3 — d4	Kd7 — b6?
13. a2 — a3!	. . .

Этим ходом опровергаются планы чёрных, направленные к выигрышу пешки d5. Если теперь 13.... Kb : d5, то 14. K : d5, K : d5; 15. b4 и белые выигрывают фигуру. В то же время сейчас грозит 14. b4, Фa6; 15. b5, qa5; 16. Kb3 с выигрышем ферзя.

13. . . .	Kb6 — d7
14. Лa1 — c1	Kd7 — b8

Чтобы на 15. Kc — b5 играть Ka6, защищаясь от угрозы Kc7.

15. b3 — b4	Фa5 — b6
16. Kc3 — a4	Фb6 — d8
17. Фd1 — b3	Cc8 — d7
18. Лc1 — c2	Cd7 : a4
19. Фb3 : a4	Kb8 — a6
20. Лf1 — c1	Kf6 — d7
21. Cg2 — h3	Kd7 — f6
22. Лc1 — c8	Фd8 — b6

23. Фa4 : e8+!!

Белые точно оценили позицию: больших материальных выгод они не получают, но ладьи их будут значительно сильнее чёрного ферзя.

23. . . .	Kf6 : e8
24. Лc8 : a8	Cg7 : d4

Нельзя играть 24... Ka—c7 ввиду 25. Л : c7! Ф :c7; 26. Л : e8+, Cf8; 27. Ke6!, fe, 28. C : e6×.

25. Лa8 : e8+	Kpg8 — g7
26. Cb2 : d4+	Фb6 : d4
27. Лe8 : e7	Фd4 — d2
28. Лc1 — c8	Фd2 — d1+
29. Ch3 — f1	Фd1 : d5
30. e2 — e4	Фd5 — d4
31. Cf1 — c4	Фd4 — a1+
32. Kpg1 — g2	Фa1 : a3
33. Лe7 : f7+	Kpg7 — h6
34. Лc8 — h8	g6 — g5

Чёрный король в матовой сети.

35. Лf7 : h7+	Kph6 — g6
36. Лh7 — h6+	Kpg6 — g7

37. Лh8 — h7+ и мат не позднее третьего хода.

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

ОСЕНЬ У РАСТЕНИЙ

Астрономическим началом осени в северном полушарии считается день осеннего равноденствия 22 и 23 сентября,— когда постепенно убывающий день становится равен ночи.

Казалось бы, что с этого времени должна наступить осень и для всех растений. На самом деле это не так. Если считать за осень для растений их пожелтение и увядание, то оказывается, что у разных растений они происходят в разное время. Взять хотя бы деревья и кустарники. Мелколистные липы начинают желтеть уже в начале августа. А у лиловой сирени листья обычно не желтеют до самого листопада, который начинается только в конце октября или в начале ноября.

Но раньше всех увядание наступает у одного из самых крошечных наших однолетних растений — у крупки весенней. Зацветая на южных склонах под Москвой уже в апреле, она примерно через месяц приносит зрелые плоды и засыхает. Жизнь сохраняется только в созревших и расселвшихся семенах.

Летом, в июне — июле, желтеют и отмирают, падая наземь, стебли и листья ветренницы, хохлатки, гусиного лука.

Есть растения, у которых осени как бы не существует. Это сорняки — враги наших полей и огородов. Ни мороз ни снег не убивают их листьев и цветов. Нередко живыми уходят на зиму под снег жёлтенькие полевые анютины глазки, мелкие белые цветы пастушьей сумки и ярутки, голубые вероники. А весной, едва только сойдёт снег, их можно увидеть, как ни в чём ни бывало продолжающими своё цветение.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ТРУЖЕНИК В МИРЕ

Когда говорят о необычайном трудолюбии, то в качестве примера всегда приводят муравья. Но оказывается, существует создание, ещё более трудоспособное. Это дождевой червь. Ещё Дарвин сказал про него: «Самый большой труженик, которого мы знаем,— это дождевой червь; каждая частица почвы до глубины 60 сантиметров выносится на поверхность земли дождевыми червями, по крайней мере, раз в столетие».

Английский натуралист Мильсон, дополняя Дарвина, утверждает, что обновление верхнего слоя почвы происходит не в 100 лет, а в 127. Основываясь на своих наблюдениях и вычислениях, он устанавливает, что дождевые черви выбрасывают на каждые 1500 квадратных метров 62 233 тонны извержений. Эту цифру можно проверить, если спустя сутки после дождя пересчитать количество маленьких земляных комочков, выброшенных дождевыми червями на поверхность. На каждый квадратный метр приходится от 40 до 500 комочков общим весом от 200 до 500 граммов. Цифры эти громадны, но они вполне точны, так как на глубине 25—30 сантиметров работают от 150 до 200 червей на каждый квадратный метр.

В некоторых местностях, где почва очень суха и тверда, дождевые черви являются большой подмогой для земледельца, так как размягчают землю.

РАСТЕНИЯ-БАРОМЕТРЫ

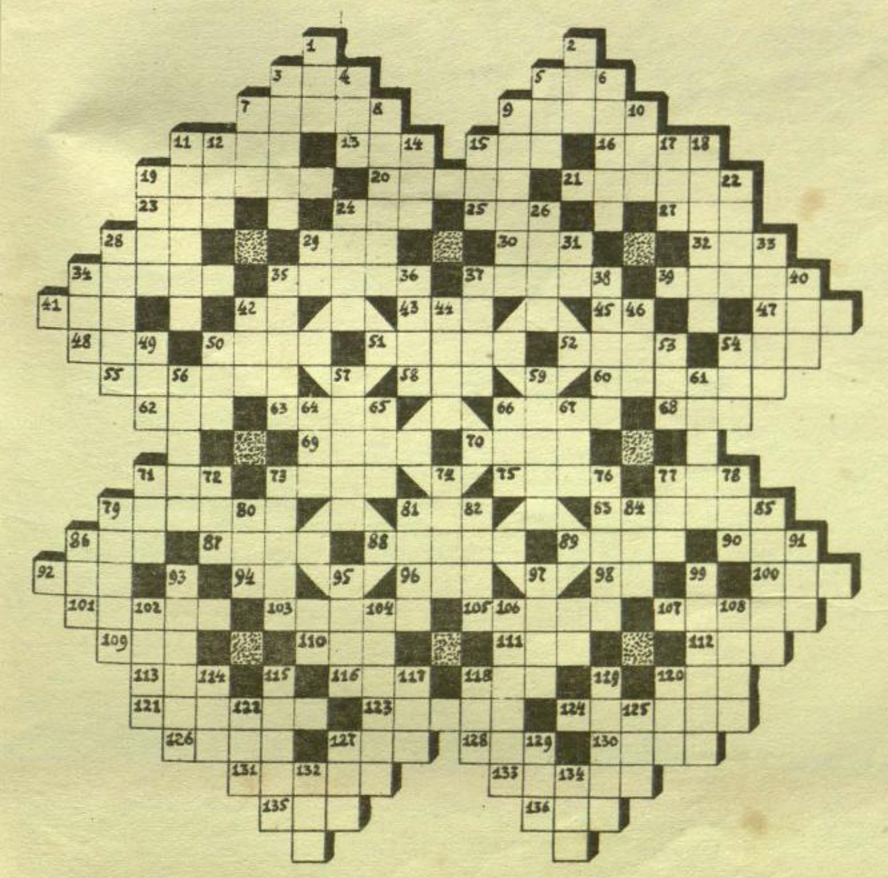
Цветы и листья многих растений чрезвычайно чувствительны к переменам температуры и к присутствию влаги в воздухе. Поэтому они могут служить хорошими предвестниками изменения погоды и, следовательно, быть живыми барометрами.

Так например если стебли клевера стоят прямо, быть дождю. Листья кислицы складываются к грозе, а открываются к хорошей погоде. Если садовый цветок бельдежур закроется, то быть дождю. Если цветок колючника закрывается, то быть буре, а есл цветок дикого салата раскрывается, то это к дождю. К дождю раскрываются также цветы лапчатки, а закрываются — цветы полевого вьюнка.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» И. С. Дунер.

(Серноводск, Куйбышевская область).

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Часть лица. 5. Биологический термин. 7. Мужской голос. 9. Приспособления для ручной продажи. 11. Персонаж комедии Гоголя. 13. Железный сосуд. 15. Портовое сооружение. 16. Напиток. 19. Игра. 20. Свободное время. 21. Архитектурное сооружение. 23. Речное животное. 24. Шум. 25. Лес. 27. Город в Иране. 28. Палач. 29. Порода собак. 30. Животное. 32. Оружие древних воинов. 34. Цыганский бивак. 35. Временная постройка. 37. Вид разведки. 39. Город в США. 41. Вокальный ансамбль. 42. Элемент танца. 43. Глаз. 45. Буква славянского алфавита. 47. Часть туловища. 48. Местоимение. 50. Часть тела. 51. Сенные обивки. 52. Мужское имя. 54. Отдел снабжения. 55. Город в Испании. 58. Род попугаев. 60. Правда. 62. Морское животное. 63. Корыстолюбивый человек. 66. Город в Бирме. 68. Насекомое. 69. Мужское имя. 70. Зрелище. 71. Мужское имя. 73. Темнота. 75. Жир. 77. Река на Украине. 79. Спортивное общество. 81. Злак. 83. Сплав для отпечатывания. 86. Древнее сказание. 87. Индийский музыкальный инструмент. 88. Древнегреческий поэт. 89. Упаковочный материал. 90. Крёстный отец. 92. Хищник. 94. Тип советского танка. 96. Ресторан. 98. Утверждение. 100. Металлический утиль. 101. Часть орудия. 103. Курорт на юге СССР. 105. Быстрое нападение. 107. Толстая верёвка. 109. Повесть Гоголя. 110. Вулкан на Филиппинах. 111. Город в Сибири. 112. Ставка в игре. 113. Один из основателей Рима. 116. Тип самолёта. 118. Чин, звание. 120. Весёлый праздник. 121. Военная добыча. 123. Заглавие. 124. Выдержка. 126. Спортивная площадка. 127. Часть лица. 128. Собака. 130. Растение. 131. Конское стадо. 133. Растение. 135. Мусор. 136. Железобетонное укрепление.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Состояние покоя. 2. Домашнее животное. 3. Невнятный говор. 4. Отрочок. 5. Судьба. 6. Музыкальный инструмент. 7. Ткань. 8. Советский кинофильм. 9. Берлога. 10. Повар. 11. Человек, обладающий красноречием. 12. Напиток. 14. Острая палка. 15. Лиственное дерево. 17. Невольник. 18. Соглашение. 19. Морское животное. 22. Река в СССР. 24. Возвышенность. 26. Цветок. 28. Мера веса. 29. Утверждение. 33. Змея. 34. Музыкальный термин. 35. Пожарный инструмент. 36. Наружный покров дерева. 37. Шуба. 38. Способ связи. 40. Часть лица. 42. Нижняя часть печи. 44. Река на Кавказе. 46. Марка автомобиля. 49. Болезненное состояние. 50. Отрицание. 53. Местоимение. 54. Местоимение. 56. Цитрус. 57. Огородное растение. 59. Тропическое растение. 61. Страх. 64. Роман Леонова. 65. Банковский документ. 66. Повторение. 67. Портовое сооружение. 71. Болезнь. 72. Шахматный термин. 73. Разговор в народе. 74. Время года. 76. Военная операция. 77. Стенной подсвечник. 78. Английский физик. 79. Софа. 80. Цветок. 81. Рабочая одежда матросов. 82. Химическое вещество. 84. Воинственный клич. 85. Кладовая. 86. Известняк. 91. Беспутный человек. 93. Блюдо. 95. Конечность животного. 97. Музыкальный инструмент. 99. Ветла. 102. Укрепление. 104. Временный мост. 106. Наряд. 108. Жилище животного. 114. Эпидемия. 115. Птица. 117. Мужское имя. 118. Пища. 119. Вершина Люцернских Альп. 120. Углубление. 122. Русский поэт. 125. Место для молотьбы. 127. Угольный бассейн в Европе. 129. Насаждение фруктовых деревьев. 132. Плоскодонное судно. 134. Змея.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

8. Италия. 9. Туз. 10. Фосген. 13. Ост. 15. Акр. 17. Рик. 19. Тот. 22. Ромодан. 24. Авиация. 25. Колизей. 26. Миг. 32. Жиган. 37. Ниагара. 38. Онтарио. 39. Кросо. 45. Око. 49. Суворов. 51. Рафаэль. 52. Боливия. 54. Аян. 56. Орс. 57. Ока. 59. Ива. 61. Фургон. 62. Лев. 63. Коралл.

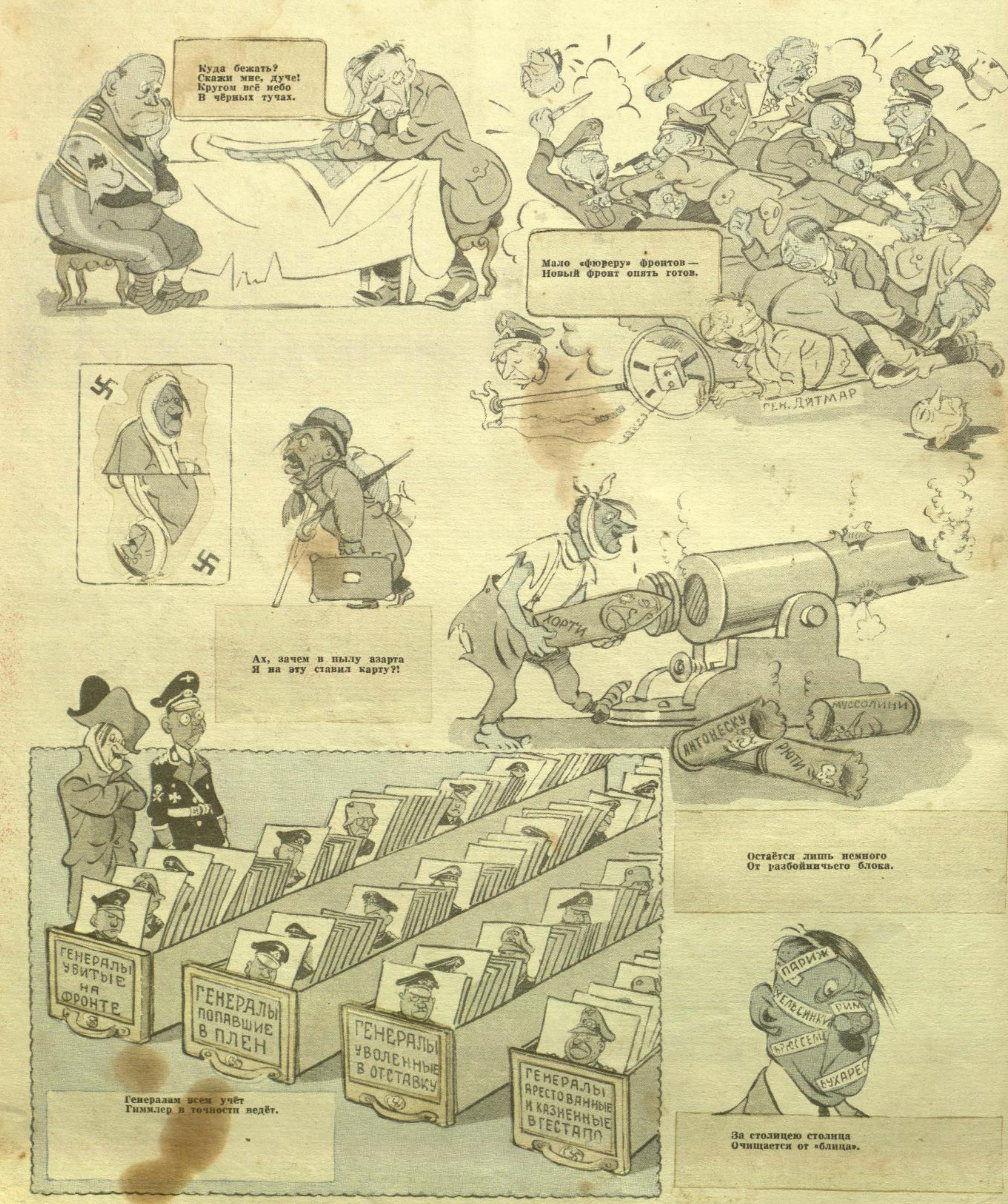
ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Кино. 2. Кант. 3. Мина. 4. Дубно. 5. Волк. 6. Агат. 7. Енот. 11. Троя. 12. Ирак. 14. Сова. 16. Крит. 18. Инок. 20. Осёл. 21. Мат. 23. Тир. 26. Ми. 27. Игрок. 28. Га. 29. Цна. 30. Бар. 31. Мак. 32. Жак. 33. Нос. 34. Сто. 35. Эра. 36. Ром. 40. Ро. 41. Со. 42. Пуля. 43. Лот. 44. Бобр. 46. Маяк. 47. Вар. 48. Плов. 50. Воск. 51. Рион. 53. Игрек. 54. Арфа. 55. Гора. 56. Овод. 58. Атом. 59. Иран. 60. Алла.

Цена 2 руб.

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рис. Ю. Ганфа

Куда бежать?
Скажи мне, дуче!
Кругом всё небо
В чёрных тучах.

Мало «фюреру» фронтов —
Новый фронт опять готов.

Ах, зачем в пылу азарта
Я на эту ставил карту?!

Остаётся лишь немного
От разбойничьего блока.

Генералам всем учёт
Гиммлер в точности ведёт.

За столицею столица
Очищается от «блица».